

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 14. Таежный тупик**

«ИД Комсомольская правда»

ББК 94

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 14. Таежный тупик /
В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда», — (Василий
Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-890-7

В 14-й том собрания сочинений Василия Михайловича Пескова
вошла, кроме рубрик «Проселки» и «Окно в природу», самая
известная его документальная повесть о семье отшельников
Лыковых, которую нет нужды представлять особо, – «Таежный
тупик».

ББК 94

ISBN 978-5-87107-890-7

© Песков В. М.
© ИД Комсомольская правда

Содержание

Предисловие	6
1981	8
Сундук богатства	8
1982	13
У входа в пещеру	15
«В росную зорю растет трава...»	20
Оляпка	25
Выстрелы ночью...	27
Неодетая весна	35
Штурман с «Антоня Чехова»	37
Кукушка	40
Дом Пушкина	43
Слетки	45
Псковская белизна	47
Петр в гостях у Карла	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Василий Песков

Полное собрание сочинений.

Том 14. Таежный тупик

«Надо признать: человек действительно высшее творение природы. Беда, если «творение» это проявляет видовой эгоизм и не оставит на земле места ни для чего живого, кроме себя... Жизненно важно для человека, чтобы на земле осталось место для скворца, для моржа, для изумительно красивой птицы сороки, для оленя, ежа, для слона, для сверчка – для всего, что составляет на земле прекрасную многоцветную ткань под названием жизнь».

В. Песков

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

Предисловие

«Таежный тупик», серия рассказов Василия Михайловича Пескова о жизни ушедшей в тайгу давным-давно семьи староверов Лыковых, просто взорвал страну. Я хорошо помню, как мама вырезала и подклеивала репортажи Василия Михайловича, а когда вышла книжка – лучшего подарка просто не было. Вся редакция потихоньку потянулась к Пескову за автографами для мам, пап, бабушек, детей. «Таежный тупик» читали все! Семьями, поголовно.

И конечно, рассматривали фотографии Лыковых, нехитрого их скарба, избушки.

Открыл Лыковых не Василий Михайлович, в местных газетах были про них заметки. Но только Песков увидел в жизни этих отшельников уникальную историю семьи и людей, оставшихся вне мира, один на один с тайгой. Песков ездил к ним чуть ли не ежегодно, о чем вы сами прочитаете в нескольких томах его собрания сочинений. И каждый раз привозил новые и новые фото. В какой-то мере он стал им человеком близким. Но очень любопытно знать (читая «Таежный тупик»), сколько сил и хитрости Василий Михайлович положил на то, чтобы мы всё увидели своими глазами. Он так сам рассказывал эту почти детективную историю:

«Особый случай в моей фотографической практике – встреча в тайге со староверами Лыковыми. История этой семьи была ошеломляюще интересной. Поверить в нее можно было, только увидев снимки робинзонов тайги. Но тут возникла проблема: Лыковы никак не хотели сниматься – «греховное дело!». Я был в большом затруднении, пытался снимать украдкой, издали, но это разрушало доверие, уже возникшее при общении. И никакие уговоры не помогли. «Невозможно!» – и все.

Я со временем понял причину неприятия фотографии. Староверы крайнего толка (секты) по названию «бегуны» считали, что с «миром» жить «невозможно», от «мира» надо бежать и таиться. Так они и жили со времен царя Алексея Михайловича, при котором произошел церковный раскол. «Бегуны» о фотографии узнали в конце позапрошлого века и должны были определить к ней свое отношение. Они сообразили, что фотография лежит на ином полюсе их бытия, – они таятся, а фотография их как бы обнаруживает, делает известными «миру». И они наложили на «нечистое дело» запрет или, как говорят, табу. Табу всегда сильнее, если носит религиозный характер. Но это мои размышления. А Лыковы получили в наследство от предков своих не поддававшийся толкованью запрет: «Дело греховное. Только лик Божий лицезренье достоин». Вот и мыкался я, ежегодно прилетая в тайгу, пытаюсь хоть что-нибудь снять. Избу, хозяйственную утварь, огород, запасы еды, постройки – снимай, пожалуйста, а лики – «невозможно». Увидев камеру, Агафья и отец ее Карп Осипович немедленно уходили в избу или падали в траву. «Хороший человек Василий Михайлович, – жаловался Карп Осипович, – но уж больно обвешан «машиночками».

Однажды я привез Лыковым несколько хорошо отпечатанных снимков в подарок, полагая, что этим смягчу отношение их к фотосъемке. Не получилось! Утром я обнаружил снимки скатанными в трубочку в кладке кедровых поленьев.

Но вода точит камень. Кто бы ни появлялся в таежной «усадьбе» Лыковых, все непременно хотели их снять. Хорониться отцу и дочери надоело, махали только рукой – «баловство это». После смерти отца Агафью мне удалось убедить, что «грех» съемки на нее ложиться никак не может, этот «грех» я беру на себя. Агафья это размышление приняла – перестала страшиться «машинок», висевших у меня на груди, но поднятый к глазам аппарат она все-таки не терпела и либо закрывала лицо рукою, либо куда-нибудь со смешком уходила, обращая желание ее снять в некую игру в прятки. Но я нашел спо-

соб одолеть и этот рубеж – ставил в камеру объектив с широким углом обзора. Такой объектив не требует точной наводки на резкость, и я, поправляя наводку рукою на шкале резкости, не подымал к глазам фотокамеру и щелкал, не прерывая какого-нибудь разговора. Это давало неплохой результат. Один из снимков сделан как раз таким образом. Агафья стояла против меня в трех шагах. Говорили о чем-то, ее занимавшем, и во время этого разговора, следя за лицом собеседницы, я нажимал кнопку. Агафья щелчки фотокамеры, конечно, слышала, но либо не понимала, что идет съемка, либо мудро делала вид, что не понимает.

На снимках, сделанных украдкой, Агафья разная – то лицо блаженного человека, то излишне серьезное, то ракурс невыгодный. Нос у нее «лыковский» – великоватый, и в профиль я снимать ее избегал, не попросишь же «стань вот так». Последние годы, впрочем, с фотографией таежница почти примирилась. С шутками-прибаутками я открыто снимал ее стоящей на чердачной лестнице, во время ловли рыбы, доенья козы, игры с собакой. Частенько приходилось ей стать среди летчиков или среди навестивших ее людей – всем хотелось сняться со знаменитостью. Снисходительно улыбаясь, Агафья все это терпела, но ни разу не попросила привезти фотографии... Я предложил ей однажды посмотреть фотографии. Посмотрела, отмахнулась с улыбкой: «Баловство это!»

Без фотографий представить себе историю Лыковых просто невозможно, поэтому мы постарались дать в книге гораздо больше снимков, чем было в газетных публикациях «Таежного тупика».

Наслаждайтесь!..

Подготовил Андрей Дятлов, заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

1981

Сундук богатства Проселки

В Максютово из Уфы приехала гостя. Важно, неторопливо ходила она по улице, откровенно показывала наряды. А когда пошла купаться на Белую, полезла в воду, не снимая цепочек, колец, перстней и браслетов. Кто-то сказал, что в воде от камней и песка золото, мол, «худеет», стирается. Эта полунасмешка богатую щеголиху всерьез озаботила, однако лишь на минуту. Махнула рукой: «Поживем – наживем...»

Землячка, откопавшая вдалеке от родной деревеньки секреты «позолоченной жизни», легко понять, в глухом Максютове занимала воображение старых и молодых. Одни смеялись, другие вздыхали. Эти насмешки и вздохи на весах деревенской молвы пришли в равновесие. И, наверно, поэтому молчаливый обычно Заки Мустафьин бросил на эти веса и свою житейскую гирьку.

– Неужели не понимаете, стыдное это золото! – сказал Заки, прислушиваясь возле дома к разговору парней и девушек. – Можно ль трудом все это нажить? И надо ль? Только в носу кольца не хватает...

– А мое богатство – вот!..

Я застал конец затихавшего разговора, который свелся к главному из вопросов: в чем счастье, в чем в жизни богатство? Присев, неизбежно пришлось участвовать в разговоре. Вспомнили одного из самых богатых людей – иранского шаха, улетавшего из страны своей в самолете, загруженном драгоценностями, как пещера Али-Бабы; вспомнили умершего несколько лет назад в Ташкенте от сердечного приступа индийского премьер-министра Шастри. Он, оказалось, был бедняком. Кто был счастливее в этой короткой, быстро текущей жизни: жестокий, надменный шах или скромный, по заветам Ганди живущий индус? Я вспомнил людей, которых знал лично. Одного смерть застала в момент, когда он, сидя на полу, пересчитывал кипу сторублевых бумажек и нанизанные на бечевку кольца. Другой, это был известный московский писатель-натуралист Дмитрий Зуев, не имел ничего в доме, кроме бумаг, чайника, ружья и болотных сапог. Зная, что умирает, он сожалел об одном только – что не увидит больше лесную поляну где-то под Луховицами. «Ты обязательно съезди... И меня вспомнишь...»

Заки, точивший на камне стамеску, в этой беседе, я чувствовал, был моим главным союзником. В момент, когда все умолкли, он вдруг скрылся в амбаре и вернулся с зеленым обшарпанным сундуком. Поставил его на пенек, неторопливо открыл.

– А мое богатство – вот!..

Сборка нового дома – праздник для всей деревни.

И все увидели хорошо знакомые вещи: пилки, стамески, рубанки, фуганок, шершебки, отборник, рейсмус, отвес... не могу всего по памяти перечислить. Интересы ради стали считать железки и деревяшки – сорок три добротных сделанных инструмента! Оказалось, сделал Заки все сам, исключая лишь пилки, да и то фабричные рукоятки ему не понравились – переделал по-своему.

– Ну и к этому надо иметь еще руки... – Заки растопырил над столярным своим богатством узловатые, в сухих мозолях и царапинах пальцы. – Считаю, это и есть богатство. Ставь рядом сундук с золотом и скажи «выбирай!», выберу этот вот, с инструментами.

Заки помолчал, аккуратно закрыл зеленый сундук и за ремennую ручку понес его в мастерскую. В затянувшемся споре об «умении жить» была поставлена умная, четкая, всем понятная точка.

Когда все уже разошлись, я попросил Заки снова открыть сундук и подержал в руках каждый из инструментов. Все от долгого постоянного применения «обмаслилось» – поблескивало, было покрыто следами смолы и воска, пахло амбаром, где сохли дощечки, висели пучки сухих трав, мотки пряжи, пчелиные рамки, конская упряжь, связка каких-то железок, овчинный тулуп, долбленая бочка для меда.

– Тут мы с Маратом работаем в зимние дни. А летом – вот там, под навесом.

Профессия Закия Мустафина – лесник-бортник (добытчик дикого меда). Но, как и всякий башкир, жизнь которого протекает в лесах, Заки до страсти любит пилить, строгать и долбить древесину. Все до мелочи в домашнем своем хозяйстве сделал он сам. Высокий, нарядный, просторный дом с большими окнами и крыльцом сработан его руками. Ульи, кровати, скамейки, долбленки из липы для меда, изящная табуретка для дойки коровы, портрет-

ные рамки, посуда для сбивания масла, сундучки, банная утварь, верстак, корыто, обеденный стол и стол на кухне, санки для ребятишек, игрушки – все это сделал Заки, испытывая, как он сказал, «горячее удовольствие» от работы.

Его инструмент в сундуке в идеальном порядке – бери в любую минуту. Собрались мы утром побриться – Заки положил на стол обычного вида ножик в кленовых ножнах. Я решил, что задумана шутка над гостем. Но Заки, не заметив недоумения, быстро очистил свой подбородок и подвинул ножичек вместе с зеркалом мне. Чудеса! – неподатливую мою щетину ножик резал без всяких помех. При столярных работах бывает нужда в таком инструменте. Этот же ножик служит за бритву. Особого сорта редкая сталь? Да нет, куплен ножик в местной бревенчатой лавке за 76 копеек, но умело, с величайшим терпением наточен и является частью богатства, хранимого в сундуке...

Во время поездки в лес по бортным делам я спросил у Заки, есть ли наследники сундука.

– Пожалуй, что есть, – отозвался Заки охотно. – Вот этот чилик из липы долбил Марат. Зимой он сделал рамы для окон, помогал, работал со мной наравне, когда рубили и ставили дом. А этим летом, как я понимаю, устроил себе экзамен. Вернемся из леса – увидите результат...

У дома Мустафьиных весь день кипела работа, и мы застали ее окончанье. Рядом с незаселенным пока еще домом стоял новый сруб, какого вчера еще не было.

Оказалось, от основной постройки остались запасы сосновых бревен, и Марат попросил разрешенья срубить небольшое жилье. Сказал: «Отец, ни слова подсказки, не поправляй. Все сам». Целое лето парень тесал, строгал бревна, подгонял их друг к другу, выбрал самую сложную вязку углов. Отец подходил, смотрел, но молчал. Соблюдать уговор было ему легко. «Все у Марата получалось, пожалуй, лучше, чем у меня».

И вот наступил день – Марат позвал друзей своих помочь ставить сруб. Так всегда бывает в Максютове: сборка нового дома – праздник для всей деревни. На этот раз собрались одни молодые. Парни плотничали, девушки варили обед.

Нехитрое, кажется, дело поставить сруб. Бревна пронумерованы – клади одно за другим, топоры, мох, веревки – все под рукой. Однако нужна и сноровка, она дается лишь опытом. Экзамен, который устроил Марат для себя, был экзаменом и для всех.

Мы застали ребят вспотевшими, перепачканными смолой, возбужденными. Но было уже видно – экзамен идет успешно: все бревна легли как надо, все было подогнано, проконопачено, сверху на сруб подняли матицы, наметили точки, где ставить стропила.

Заки слез с лошади. Обошел сруб. Постучал в двух-трех местах обухом топора и остался доволен: «Ну, теперь к самовару!»

Стол был накрыт во дворе, прямо около сруба. Мать Марата, сестры и соседские девушки несли на стол тарелки и чашки с варевом, поставили мед, навалили на блюдо коржей с черемухой. Я с любопытством ждал: появятся ли бутылки? Нет, питье было только из самовара.

Отсутствием аппетита молодость не страдала. С шутками, балагурством, с веселыми подковырками по поводу законченного дела десять друзей Марата учинили разгром всему, что в этот день жарилось, парилось и пеклось. Расходились уже в сумерках, когда опустился туман над Белой и пущенные кормиться лошади уже позвякивали коваными колокольцами. Вот так же встретиться за столом друзья договорились на проводах Марата в армию.

...В последнем письме из Максютова я узнал, Марат уже в армии. Значит, эту заметку о нашей осенней встрече он прочтет среди новых своих друзей.

Первый год службы труден, и можно представить, с каким теплом вспоминает сейчас максютковский парень Марат Мустафьин родную деревню, друзей, отцовский дом, двор со скотиной, амбар-мастерскую, где сохнут сосновые доски, где стоит отцовский зеленый сун-

дук с инструментами. Вдалеке от дома это все обязательно вспоминается. Вспоминается с нежностью. Часто издали только начинаешь ценить все, что было простым, естественным и доступным, как воздух. Но Марату служба, я уверен, будет даваться легко, потому что вовремя, с раннего детства прошел он рядом с отцом очень важную школу: уметь все делать своими руками, во всем себя испытать. Это очень ценится в армии. Это всю жизнь потом будет служить человеку.

Хорошей службы, Марат! И счастливого возвращения к дому.

Фото автора. 31 декабря 1981 г.

1982

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА СССР на период до 1990 года

Пленум Центрального Комитета КПСС, состоявшийся 24 мая 1982 года, одобрил Продовольственную программу СССР на период до 1990 года. Наложение программы публикуется ниже.

Советский народ под руководством Коммунистической партии добился выдающихся успехов в создании материально-технической базы коммунизма. Наша страна имеет теперь высочайшие производительные силы, мощную передовую индустрию, крупное высокопроизводительное сельское хозяйство. В СССР построено общество развитого социализма. Достигнутые успехи яро и убедительно расширяют волюне оптимизма и огромные возможности социалистического строя.

В центре внимания партии и Советского государства была и остается забота о человеке, о создании все более благоприятных условий для всестороннего и гармоничного развития личности.

Крупные мероприятия в этой области осуществлены за последние три пятилетия. Уровень оплаты труда возрос почти в 2 раза. Выплаты и льготы, получаемые населением из общественных фондов потребления, увеличились в 2,5 раза, реальные доходы на душу населения возвысились вдвое, свыше 100 млн. советских людей улучшили свои жилищные условия. Дальнейшее развитие получили просвещение, культура, здравоохранение, бытовое обслуживание населения.

Советские люди имеют широкие социально-экономические и политические права — право на труд и на отдых, на жилище, на бесплатное образование и медицинское обслуживание, они активно участвуют в управленческих делах общества и государства. Права советских граждан гарантированы Конституцией СССР.

Основой повышения жизненного уровня советских людей является их добросовестный труд, обеспечивающий постоянный рост экономики страны. Только за три последние пятилетия основные производственные фонды народного хозяйства увеличались в 3,2 раза, национальный доход возрос в 2,4 раза. Динамично росли объемы производства промышленной и сельскохозяйственной продукции, ускорились темпы научно-технического прогресса.

Созданный ныне экономический и научно-технический потенциал страны позволит успешно решать новые крупномасштабные задачи коммунистического строительства.

XXVI съезд КПСС, задавая широкую программу социального развития и повышения народного благосостояния, на первый план поставил задачу улучшить жилищные условия населения, продукты питания. По инициативе Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. Н. Брежнева для решения этой задачи разработана Продовольственная программа СССР до 1990 года, которая является важнейшей составной частью всеобщей стратегии партии на ближайшие десятилетия.

I. ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ЗАДАЧИ РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Коммунистическая партия, последовательно осуществляя курс аграрной политики, выработанный на историческом мартовском (1945 г.) Пленуме ЦК КПСС и развитый на последующих Пленумах, на XXIII—XXVI съездах КПСС, провела большую работу по обеспечению подъема сельскохозяйственного производства.

На основе повышения эффективности экономики страны значительно укрепилась материально-техническая база агропромышленного комплекса.

Существенно улучшилась техническая оснащенность сельского хозяйства. Качественно обновлен состав тракторно-транспорного парка, повысился уровень механизации работ в растениеводстве и животноводстве. Возросла производительность труда в колхозах и совхозах.

Ускоренное развитие получили химизация и мелиорация земель. Поставка сельскому хозяйству минеральных удобрений за последние пятнадцать лет возросла

в 3 раза, а площади орошаемых и осушенных земель увеличилась в 1,7 раза.

Будут в действие специализированные животноводческие комплексы с промышленной технологией производства и крупные птицефабрики, развиваются высокоэффективные мясокомбинаты и агропромышленные предприятия и объединения.

Созданы новые отрасли, обслуживающие сельское хозяйство: машиностроение для животноводства и кормопроизводства, сельское строительство, комбикормовая и микробиологическая промышленности, получило дальнейшее развитие сельскохозяйственное машиностроение. Возросли производственные мощности отраслей, связанных с заготовкой, хранением и переработкой сельскохозяйственной продукции. Основные производственные фонды пищевых отраслей промышленности за последние пятнадцать лет увеличились в 2,7 раза.

У входа в пещеру

К зиме страсти тут утихают, но летом, до сентября, когда вниз по Белой плывут караваны резиновых лодок, пещера в осаде. Перед входом, как в древнем замке, нет разве что пушек и подъемных мостов, все остальное есть: стена из массивных металлических прутьев, глубже ко входу – стальная решетка, тяжелые двери, замки, свирепого нрава собака, четыре лесника-сторожа меняются круглосуточно. Нешуточная защита. И все же время от времени прорывается нарушитель в пещеру – то, подобно духам или гипнотизерам, проходят люди через заслоны, не открывая ворот, то (бывало такое) свяжут ночью охрану, отнимут ключи, а в знак того, что лично против охранника ничего не имеют, оставляют гостинец в бутылке, а с юмором люди еще и записку: «Если нельзя, но очень хочется, то можно».

Читатель уже смекнул: что-то очень уж интересное есть в пещере, если такая строгость с одной стороны и всесокрушающая страсть проникнуть в пещеру – с другой. Действительно есть. Есть таинство огромного подземелья, притягательное само по себе, есть в пещере и ценности, хотя это вовсе не сундуки с серебром.

* * *

Речь идет о пещере известной. И я, признаться, тоже давно мечтал в нее заглянуть. Главный хранитель пещеры (любящий ее и знающий не хуже собственного дома), местный житель Саша Антонов постучал камнем по заржавевшим замкам, оглядел – подходяще ль обуты? – и мы оказались под каменным сводом.

Это не была нора, ведущая в подземелье. Это был громадный торжественный вход («портал» – назвал его Саша), обещавший нечто столь же объемное и значительное.

Из самой пещеры текла торопливая речка. («Шульган, – сказал Саша, – это она, работая тысячи лет под землей, соорудила пещеру».)

Прощально, словно бледная занавеска, мелькнул за спиною рассеянный солнечный свет, и в темноте мы сразу притихли. Сашин фонарь выхватывал глыбы острых и скользких камней, под ногами блестела жидкая глина, в подставленную ладонь сверху падали частые капли воды. Помогая себе руками, мы едва поспевали за Сашей. Лучик света от фонаря то упирался в нависающий каменный потолок, то терялся в пространстве, не достигая высокого свода.

Это не была нора... Это был громадный торжественный вход.

Подобно тому как речка имеет то узкое русло, то широкие плесы, пустота под землей то тянется коридором, то образует вдруг необъятную гулкую полость.

– Зал Хаоса... – Луч фонаря обегает громадные глыбы камней. Мы говорим «да...» и Саша, довольный произведенным эффектом, ведет нас дальше. Залов в пещере много: Арочный зал, Бриллиантовый, Хрустальный, Радужный, Водопадный. За два часа путешествия обойти их все невозможно. И нам остается лишь позавидовать тем, кто неспешно обошел все чертоги и имеет полное представление о пещере.

Однако и за два часа увидели мы немало. Увидели толщи знаменитых сталактитов и сталагмитов, увидели кружевные натеки кальцита на сводах пещеры, увидели стены, по которым блестящим холстом струилась вода, мы подымались по шатким металлическим лестницам круто вверх, на третий этаж пещеры. В каком-то месте, притихнув, слушали, как в тишине подземелья с секундной точностью со свода вниз падали капли воды.

Главной точкой всего маршрута был зал Рисунков. Тут Саша дал волю своему красноречию, призывая представить, как многие тысячи лет назад «вот тут примерно, на этом вот камне, сидел первобытный художник в звериных шкурах и охрой на этой вот стенке рисовал волновавшие его образы... Вот видите лошадь?» Луч фонаря уперся в плоскую стену, но дробное освещение и блески натеков мешали увидеть знаменитую, широко известную теперь лошадь. «Да вот же она!» Взглядом следя за указкой, мы увидели лошадь. И теперь она, уже не теряясь, стояла перед глазами, красноватая, слегка размытая в очертаньях, подернутая налетом солей, лошадь времен, называемых в истории людей палеолитом. Рядом с лошадью в «каменном эрмитаже» сквозь корку натеков проглядывали очертания мамонта, носорога и отдельно еще – головы этих животных. Всего семь рисунков, ценность которых определяется очень коротко – «они бесценны».

Обратный наш путь был более скорым, хотя по пещере быстро ходить опасно. На солнечный свет мы вылезли перепачканные глиной, слегка намокшие, с небольшими ушибами, но, конечно, счастливые. И Саше, запиравшему входы, я сказал откровенно, что вполне понимаю ребят, которые осаждают пещеру, и не строго бы их судил.

– Я тоже их понимаю, но так вот случилось, есть указание: стоп, и ни шагу! Кроме замков, говорят, надо еще и пломбы...

* * *

Капова пещера на Южном Урале – одна из самых известных и знаменитых в нашей стране. Название грандиозному подземелью дали наросты кальцита, очень схожие с капом древесным. Но не менее интересно и другое предположение: пещера для древних охотников была убежищем и святилищем – капищем.

Местные люди, живущие на реке Белой, знают пещеру тысячи лет. В книжное описание она попала в 1760 году после обследования ее Петром Рычковым (журнал «Ежемесячные сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие»). С тех пор интерес к пещере не ослабевает. Для «пользы и увеселения» ее посещают ученые и любознательные люди, местные жители показывают ее приезжающим как угощение. Более двух столетий подземелье измерялось, исследовалось, описывалось. Издано много книг и статей о пещере, маршруты к пещере и по пещере входят в туристские путеводители. Однако поныне не все известно о подземелье. В 1959 году в пещере были открыты никем до того не замеченные рисунки людей каменного века. Рисунки стали сенсацией в археологии. Считалось, что только в Европе (во Франции и Испании) есть подобные памятники древнейшей культуры людей. Оказалось, пещерные люди «умели рисовать» также и на Урале.

Подземный «эрмитаж» сделал пещеру еще более привлекательной. По реке Белой в последние двадцать лет утвердился один из самых популярных в нашей стране туристских маршрутов. Пещера на этом пути стала главным местом паломничества. И возникло, естественно, беспокойство за судьбу и пещеры, и прилегающей к ней живописной природы. Законами РСФСР и Башкирской автономной республики пещера и примыкающий к ней район были объявлены заповедными. Посещение подземелья попытались кое-как упорядочить. А в Уфе родился проект создать близ пещеры туристский комплекс (бетонированная дорога, энергетическая линия, площадка для вертолетов, стадион, гостиница, хозяйственные постройки, иллюминация подземелья). Проект дорогостоящего предприятия, можно предположить, рождался под впечатлением коммерческого успеха кавказской Ново-Афонской пещеры (билеты продаются на многие дни вперед).

Воплощение уже сделанного проекта в бетон и камень, однако, затормозилось по той причине, что даже только по Белой идущий туристский поток стал «размывать» уникальные ценности подземелья – колят и уносят на память тысячелетние натски солей; на камнях запестрели надписи и рисунки, от которых в негодование приходят не археологи только. Что касается древних бесценных рисунков (им 40 тысяч лет!), то возникла угроза их быстрой утраты. Нарушение светового и температурного режимов при массовых посещениях, а также акты прямого варварства всполошили комиссию археологов. Она потребовала закрыть пещеру. Пещеру закрыли, выделив Башкирскому заповеднику штат охраны из четырех человек. И вот уже четыре сезона длится изнурительная война – туристы ведут осаду; заповедник, изнемогая, обороняет пещеру. И все жалуются: туристы – на охрану, охрана – на туристов, ученые – на туристов и на охрану. И вместе с тем оживился как будто уфимский проект – провести к пещере дорогу и сделать большое туристское стойбище прямо у подземелья. «Мы не знаем, как лучше выйти из положения, – признались в Москве в управлении заповедников. – Очень просим: посмотрите на месте и скажите свое суждение».

* * *

Разумное разрешение запутанных сложностей, разумеется, существует. И сделать все можно с учетом всех заинтересованных сторон. Первое, от чего надо бы уберечься, – от добавочного усложнения проблемы. Усложнения эти таит уфимский проект. Зачем нужен еще один туристский канал к заповеданной территории, если даже один существующий (по реке Белой) создал ситуацию кризиса?

В начале 70-х годов имела хождение мысль, что заповедники, мол, надо «открыть для людей». Что из этого вышло, сейчас в обсуждении не нуждается. Масса туристов и экскурсантов любой заповедник способны обратить если и не в пустыню, то в нечто такое, что заповедником называть уже невозможно. Исправлять такие ошибки – дело нелегкое. Я помню, сколько сил потратил Окский государственный заповедник для ликвидации базы туристов, которую он опрометчиво приютил у своей территории. Шум, мусор, постоянные нарушения всех режимов охраны природы... Бороться с этим – выше сил и возможностей заповедника. Выход был только один – ликвидировать базу. Но попробуй ее ликвидировать, если она построена, если вложены средства, если существование базы значится в сотнях разных бумаг. Пришлось написать многие ходатайства (я принимал в том участие), заповедник пошел на выплату крупной суммы отступных денег, прежде чем очаг разрушения заповедности был ликвидирован. Зачем же создавать такой же очаг у Башкирского заповедника, у самой его жемчужины, справедливо названной бесценным памятником природы?

Составлявшие проект базы, разумеется, позаботились, чтобы деньги, запроектированные для строительства, не только окупились, но чтобы пещера стала доходным местом. Но какой ценой этого можно достигнуть? Максимальным искусственным привлечением людей! Иллюминация пещеры, превращение ее в сугубо зрелищное место дали бы, наверно, какие-то деньги. Новое это дело? Нет. В Соединенных Штатах я опускался в две такие пещеры. Скажу откровенно: толпы людей у входа, торопливое, рассчитанное по минутам пребывание многочисленных групп под землей и пресловутая иллюминация (Малиновый грот, Голубой, Золотой) оставили ощущение дешевого пошловатого балагана. Природы никто там не видел. Это был вариант луна-парка с эффектами, которых можно достигнуть, даже не опускаясь под землю – Диснейленд прекрасное этому доказательство.

Пещера в Новом Афоне тоже иллюминирована и приспособлена к посещению массой людей. Дело вкуса – восторгаться эффектами освещения в ней. Но подобный подход оправдан хотя бы тем, что кавказская эта пещера расположена в зоне массового скопления людей, жаждущих зрелища. Другое дело – Урал. Люди едут сюда отдохнуть от огней и «городского благоустройства», испытать радость общения с природой, еще не тронутой человеком. На этом пути приготовить им световой балаган было бы просто кошунством, не говоря уже о том, что от света неминуемо пострадали бы доисторические рисунки.

Нелишне напомнить еще и о том, что любое чудо природы поражает и впечатляет нас лишь в случае не слишком легкой доступности. Чудо, к которому можно подъехать вплотную и глянуть на него с сиденья «Жигулей», быть чудом перестает. Не забудем также пчелубурзянку – один из важнейших объектов заповеданной зоны. Она не терпит близкой человеческой суеты с огнями, вертолетами, гостиницей, стадионом. С любой стороны посмотреть, реализация существующего пока на бумаге проекта была бы очень серьезной ошибкой. И, конечно, особое право на вето в подобных проектах имеют ученые. Капова пещера хранит несомненные ценности для науки. Утратить их «увеселения ради» было бы непростительно. И решительность археологов удивления не вызывает.

Однако можно понять и туристов, среди которых, конечно, не каждый – варвар. Увидеть пещеру для многих плывущих летом по Белой было мечтой. Значит, надо найти пути

примирения ученого и туриста. Путь такой, мне кажется, существует. Я обсуждал его с Александром Антоновым и молодым директором заповедника Владимиром Беляниным. Черта примирения лежит не у линии нынешней стражи, а глубже, примерно в ста пятидесяти метрах от входа в пещеру. Сюда следует перенести запор со всеми замками (и пломбами, если нужно!). Природные условия пещеры способствуют этому как нельзя лучше – тут пролегает температурный барьер подземелья, тут есть перемычка, удобная для запора. Таким образом природный музей приобретает «запасник», доступный только ученым и специалистам – спелеологам, а туристы – законное право входа в пещеру.

Для большинства туристов 150-метрового путешествия с фонарем вполне достаточно (Саша: «И вымокнут, и в глине испачкаются, и страху наберутся»). Все остальное о пещере можно было бы узнать, выйдя из нее на лужайку, в небольшом, но хорошо оборудованном музее (план и макет пещеры, цветные диапозитивы с большого маршрута, копии наскальных рисунков, необходимые справки). Такой музей заповеднику могли бы помочь спланировать и оборудовать археологи, управление заповедников могло бы выделить для этого нужные средства, да и небедные профсоюзы, по чьим путевкам приезжают туристы на Белую, могли бы внести свою лепту в разумное разрешение спора. Таков компромисс, кладущий конец никому не нужной, никого не устраивающей войне у входа в знаменитое подземелье.

Разговор пространный по этому частному случаю уместен, мне кажется, потому, что за этим конфликтом стоит явление характерное. Замечательные памятники природы, уникальные заповеданные ценности становятся жертвами своей популярности. Уберечь их можно, только разумно регулируя и регламентируя паломничество. И компромисс, заключенный в грубоватой, но верной старинной мудрости «и волки сыты, и овцы целы», во многих случаях может быть спасителем.

Фото автора. 17 января 1982 г.

«В росную зорю растет трава...»

На днях я проделал маленький опыт: пятерым разного возраста людям задал один и тот же вопрос: где родился Пушкин? Трое недоуменно подняли брови: как где? – в Михайловском...

Пушкин родился в Москве. Но деревенька не случайно держится в нашей памяти как место рожденья поэта, очень уж многое в поэтическом облике Пушкина связано с этой деревней. Не будь Михайловского в жизни поэта, мы наверняка бы знали иного Пушкина. Несомненно, иного.

Не по своей воле оказавшийся в деревенской глуши, двадцатипятилетний Пушкин положение свое вначале нашел ужасным. «В первые дни ссылки деревня показалась Пушкину тюрьмой. Бешенству его не было предела. Все его раздражало. Он хандрил, скандалил, бывал во хмелю... Уединенный дедовский дом казался ему пещерой, а сам он отшельником. Его пугали лукавые сны и печальные мысли...» Но проходит немного времени, и вдруг все меняется коренным образом: «он стал чувствовать себя в деревне, как у бога за пазухой». Что же случилось?

Ответ на этот вопрос для нас существует со школьной скамьи. С прополотого различного петербургского огорода молодое, непокорно вьющееся растение брошено было (авось зачахнет!) в глухое, диковатое место. Но растение поболело лишь малость. Молодыми корнями оно вдруг почувствовало надежную плодородную землю. И все остальное

на открытом ветру пространстве – дождь, солнце, снега, соседство диких трав и цветов – дало поселенцу мощную силу. Растение буйно зазеленело и расцвело. Курьез, но сегодня мы должны быть почти благодарны царю Александру за ссылку молодого Александра-поэта в глухую деревню. Он там как будто второй раз родился...

Примерно так я, помню, писал в сочинении, оцененном за прорехи в грамматике тройкой, но отличенном устно «за образность и понимание сути». Наш доброй памяти учитель литературы Николай Васильевич Ларченко не уставал говорить: «Любите деревню. Поэты вырастают в деревне». В доказательство он называл российские деревеньки и первой – Михайловское.

Михайловское в судьбе Пушкина было сначала местом изгнания, потом реально существующим Лукоморьем, потом убежищем, надежным жизненным тылом и, наконец, «милым пределом». Вблизи Михайловского, в Святогорском монастыре, весной 1836 года Пушкин хоронил мать. Незадолго до кончины она со слезами просила увезти ее тело из Петербурга. Словно предчувствуя и свой уже близкий конец (до января 1837 года оставалось несколько месяцев) и размышляя грустно, где упокоиться, Пушкин купил себе место на кладбище. В книге приходо-расходов Святогорского монастыря за 1836 год есть запись: «Получено от г-на Пушкина за место на кладбище 10 рублей...»

Можно представить себе этот последний приезд поэта в дорогие места. Можно представить, какие думы одолевали затравленного жизнью и беспредельно любящего жизнь еще не старого человека. Он чувствовал, что в последний раз видит милые сердцу пригорки, речку, сосны, облака, деревеньки, летящих с юга на север птиц. Наверное, он очень хотел, чтобы память о нем была связана с этим углом России.

Еще раз Пушкин вернулся сюда лежащим в гробу. Возок с печальной поклажей сопровождал окоченевший от горя и от мороза «Савельич» – дядька поэта, спутник всей его жизни Никита Тимофеевич Козлов, так же дорогой для Пушкина человек, как и няня Арина Родионовна. (Дядька с няней состояли в родстве – Никита Тимофеевич был женат на ее дочери.)

Из Святогорского монастыря, где после холодной дороги поставили гроб, дядька побежал в Михайловское с последней службой для дорогого ему человека – звать михайловских мужиков рыть могилу. И загудел колокол. Тот самый, в который, забираясь на колокольню, так любил звонить Пушкин в золотые (ссылные!) годы пребывания в Михайловском. Было это ровно 145 лет назад, в студеном феврале 1837 года...

Гете, кажется, говорил: если хочешь узнать поэта, побывай у него на родине. Думаю, иностранец удовлетворится и много поймет, если ему покажут Москву со словами: Пушкин родился тут. Пушкин так велик, что самым первым из всех нас имел бы право сказать, окинув взглядом пространства, на все четыре стороны лежащие от Москвы: это моя Родина. Но поскольку большие явления, как и большая река, начинаются все же с малого – с ключа, с родника, с ручейка, нас, соотечественников поэта, как магнитом притягивает деревенька Михайловское, шутка ли – более миллиона паломников в год! Более миллиона. И так ли уж велика ошибка, когда говорят: Пушкин родился в Михайловском?

* * *

Заметки эти – следствие только что прочитанной книги.

Немало найдется людей, прочитавших все, что написано Пушкиным. Немного найдется людей, знающих все, что написано о Пушкине. Литература о великом поэте безбрежна. И каждый год появляется что-нибудь новое. Нарядная, еще пахнущая печатной краской книга «Пушкиногорье» – большой обстоятельный рассказ о Пушкине, обо всем, что его волновало, радовало и вдохновляло во время жизни в Михайловском, о том, как живет Михайловское и все Пушкиногорье сегодня, о том, как все тут было порушено во время войны и

как восстало из пепла. Эта книга – о людях, знавших поэта при жизни, и о тех, кто приходит поклониться ему в ныне бегущие дни. Книгу я закрыл с сожалением, что она кончилась (часто ли так бывает?), с благодарностью Пушкину и тому, кто поведал о нем.

Как определить жанр этой книги – повесть? путеводитель? исследование? мемуары? По отдельности – все неточно, а вместе – то в самый раз. Автор книги соединил в себе историка, литературоведа, музейного работника, экскурсовода, бытописателя-краеведа, тонкого знатока природы, сердечного друга поэта и, наконец, литератора, у которого «легкий домысел парит над всем открытым, увиденным и познанным в ходе долгой жизни в сельце Михайловском».

Не новостью будет сказать, что Пушкину очень повезло на своего преемника в нынешнем Михайловском. Имя этого человека – Семен Степанович Гейченко – стало по справедливости славным. Если бы «юноше, обдумывающему житье» надо было привести пример цельной, осмысленной, плодотворной, а потому и счастливой жизни, я бы немедленно вспомнил Семена Степановича. В Михайловском он живет уже во много раз дольше, чем сам Александр Сергеевич, – почти сорок лет. И все эти годы неустанных поисков и труда отданы памяти Пушкина. Книга «Пушкиногорье» рассказывает, что тут увидел автор, еще молодой тогда Семен Гейченко, после ухода с псковской земли войны. Казалось, что все потеряно безвозвратно: дом поэта фашисты сожгли, усадьбу разрушили, знаменитый вдохновлявший Пушкина парк изрыли окопами и утыкали минами, спилили для блиндажей вековые деревья («сорок тысяч сосен»), заминировали могилу Пушкина. С этого нуля в 1945 году началось возрождение Пушкиногорья. Все, кто сумел побывать в Михайловском, знают итоги этих трудов. Прочитавший книжку увидит, как шло возрождение.

Нелегкое дело – по случайным рисункам, по описаньям, воспоминаньям, осколкам, обломкам восстановить прошлое. Но пройти добросовестно этот путь – лишь половина дела. Нередко реставрация старины подобна восковой кукле – все до мелочи точно, похоже, однако холодно и мертво. «Заставить говорить вещи, постройки, дорожки, деревья!» – такую задачу поставил перед собой Гейченко в Пушкинском заповеднике. И все, кто бывал там, знают: эта высокая цель достигнута. Опыт Гейченко сейчас перенимается, изучается. Пушкинский заповедник стал эталоном музейного дела. Книга Семена Степановича посвящает нас в тайны «одушевления вещей» и всего, что могло окружать жившего тут полтора века назад дорогого нам человека.

Сам Александр Пушкин, конечно, очень помог Семену Гейченко. Стихи поэта, написанные в Михайловском, и отголоски деревенского житья в более поздних стихах служили «справочником» и точным камертоном в воссоздании пушкинской атмосферы. Однако в делах реставратора есть вещи, подобные кладу без какого-либо свидетельства, где он зарыт. Таких кладов Гейченко откопал множество. Например, куст сирени, увиденный им случайно в диком густом лесу, заставил подумать: сирень обычно растет у постройки, не тут ли стояла часовня, о которой написано: в «часовне ветхой бури шум, старушки чудное преданье...»? Стали искать. «Нашли куски старых бревен, доски, оконное стекло, кованые гвозди, медные старинные монеты и... разбитую гончарную лампаду». Это лишь эпизод (превосходно описанный в книге!) долгой и кропотливой работы, в которой мы чувствуем очень усердный труд, сопряженный с мудростью жизни и знаниями, но также и вдохновение творца, глубоко постигшего личность и судьбу Пушкина.

Книга «Пушкиногорье» – повесть о двух жизнях в Михайловском: о жизни Пушкина и о жизни хранителя его памяти. Обе сплетены воедино, и обе нам одинаково интересны. Семен Степанович не только воссоздал и сберег в Михайловском «мир Пушкина», он неотлучно живет в этом мире. Друзья не однажды склоняли уже немолодого теперь человека сменить «первобытное житье» в рубленом доме с печью на жилье с нынешними удобствами неподалеку от Михайловского. Но ответ был всегда одинаков: «Приобрету – вот столько. А

потерю безмерно». И много лет по сей день Семен Степанович, проснувшись утром, чистит снег у порога, идет с ведрами за водой, топит печь... – ведет деревенскую жизнь, какая так много дала поэту и которая много дает для постиженья его. «Я тут как домовый – все знаю. Знаю, в какое окошко заглянет первый луч солнца, знаю, какая птица первая утром подает голос, знаю, какие звери наследят ночью (иногда я вижу этих зверей и думаю: вот так же видел их Пушкин), знаю, как воет вьюга в трубе, иногда мне кажется: слышу, как в росную зорю растет трава...»

«Это мог видеть Пушкин... Это Пушкин мог слышать», – любит говорить Семен Степанович своему деревенскому спутнику. «Вот иволги... Скажи-ка, при Пушкине они пели иначе? А зяблик, сорока? И скрип этих сосен... Все было так же!»

Семен Степанович верно и глубоко понял, какое место в жизни Пушкина тут, в Михайловском, занимала природа. И он заставил природу заговорить, сделал ее едва ли не самым главным «экспонатом» музея-заповедника. Уже на пути к дому мы слышим разноголосый хор птиц, зимой на снегу видим следы лесных обитателей, следы гусей, собаки, кота, летом ветер в доме колышет занавески на окнах, в комнатах пахнет цветами, деревом, спелыми яблоками, на старом кресле в июле лежит букетик увядающих васильков, а в августе будут лежать ромашки. Все подлинно и естественно, все наполнено жизнью. Приходящим сюда кажется: Пушкин здесь, он отлучился лишь на минуту...

В книге просто и интересно рассказано, как достигалась эта магия подлинности, как ненавязчиво приходящим сюда внушается: «Все даже самое значительное на земле питается обыкновенными жизненными соками».

Книга «Пушкиногорье» дает возможность побывать в заповеднике, не приезжая в него. Кое-что в таком «посещении» мы теряем, но очень много в этом книжном знакомстве с пушкинским миром и преимущества. Пушкин не был домоседом, он исходил и изъездил верхом большую округу, бывал в церквях, на ярмарках, на крестьянских дворах, «в дымной хате рыбака», в помещичьих усадьбах, на постоянных дворах, водяных мельницах. Быт времен Пушкина Семен Степанович изучил превосходно и умеет показать его в сочных красках и точных звуках («Топая, как лошадь, поп вошел в комнату»). Он показывает эту жизнь в очень интересных для нас подробностях – чем торговала лавка, что ели, во что одевались, какие песни играли, что росло в огородах, какое варили варенье, как выглядел табор цыган, какими были кулачные бои...

И люди! Не всякий роман вмещает в себе такое число колоритных и ярких фигур. В отличие от героев литературных эти существовали реально. Пушкин их знал, оставил о них свидетельства, либо сами они (например, игумен Святогорского монастыря Иона с его колоритным талантливym дневником на «сахарной синей бумаге») оставили свидетельства о поэте и о его времени. Няня Арина Родионовна, дядька поэта Никита Козлов, отец, мать, друзья, царь Николай – все предстают в книге живыми, ярко очерченными людьми.

Не упустил возможности автор «Пушкиногорья» поговорить (и бережно сделать запись бесед!) с людьми «дотелевизионного» поколения, говорившими образно, ярко и точно. О Пушкине они знали от своих предков, и, возможно, не все было ценным в рассказах-легендах. Но послушайте, как говорил один из этих людей, названный в книге «дед Проха» («Умер дед Проха весной 1946 года, когда всем нам было трудно жить»). Вот как дед говорил:

«...У меня в деревне Савкино байня дюже хорошая. Без трубы, одна каменка. Топлю я ее, покуда от ней не пойдет вопль и она не станет сладкая. Тогда я открываю в потолке душник и выпускаю зной, беру веник и иду мыться. Хорошо драть свое естество веником, когда оно еще не умылось.

Иногда хожу в байню не один, а два раза. Зайду, попарюсь, обомлею, потом уйду в избу. Ежели воды и тепла много, то обязательно схожу в баньку пострадать еще разок. Не

пропадать же такому веселью и прелести. Ежели сам второй раз не схочу идти, гоню жену, а сам иду квас пить. Выпью шесть-семь кружек, успокоюсь – и на печь... От моей байни я имею одну восторженность и сладость во всем теле... Без байни как без порток – тоскливо и простудно!»

А, каково?! Савкино – это деревня, где Пушкин бывал очень часто. Мог он слышать такую вот речь? Несомненно! Вот они, соки, питавшие гения, истоки его народного языка.

Сам автор «Пушкиногорья» тоже принадлежит к поколению «дотелевизионному», и весь язык книги – образец яркой народной речи, точный, благоухающий русский язык, каким сегодня, увы, не пишем.

Интонация книги простая и задушевная. Мы чувствуем человека, который «с Пушкиным на дружеской ноге» подлинно. Временами автор озорничает, как Пушкин, но всюду мы ощущаем трепетную любовь, понимание и уважение поэта, чувствуем: друг Пушкина, как добрый Савельич, постоянно с ним рядом, постоянно на страже его немеркнущих мыслей, неувядающих чувств.

Хорошая книга! Как зрелый плод доброго дерева, она полна солнца, всяких полезных для души читающих «витаминов», а урони во взрыхленную почву семечки из плода – непременно будут хорошие всходы.

Давний житель Михайловского, поставив последнюю точку в одном из трудов, созданных в деревеньке, радостно восклицал: «Ай да Пушкин, ай молодец!» Поэту было в тот радостный час двадцать шесть лет. Хранителю его света и очага сегодня в три раза больше. Возрасту свойственна сдержанность. «Слава богу, окончил, успел», – сказал Семен Степанович, отдавая книгу издателям. Сейчас эта книга на пути к читателю. И можно позавидовать всем, кто встретится с ней.

* * *

В нашем издательском деле «Пушкиногорье» – тоже событие. Найдена форма книги, хорошо сочетающая в себе литературу и документы, большие объемы текста и обилие прекрасных цветных фотографий. Этой книгой в «Молодой гвардии» обозначился ряд изданий со словом **Отечество** на обложке. Нетрудно предвидеть, какой плодотворной может стать эта линия. Воспитание любви к Отечеству, глубокое познание истории и культуры страны, ее природы и священных ее уголков – насущная наша забота. Вслед за книгами ЖЗЛ и «Эврики», сделавших славу издательству, серия «Отечество» может стать магистральным многолетним изданием. Книга Семена Степановича Гейченко о пушкинских родниках – прекрасный образец в начале благородного и благодарного дела.

Фото из архива В. Пескова. 3 марта 1982 г.

Оляпка Окно в природу

Мороз под сорок. Снег сначала по пояс, а в зарослях, к берегу ближе, – по самые плечи. Движенья – со скоростью черепахи. Зато какая награда! На звуки нехитрой песни («Фью-цы-цы, фью-цы-цы!») дойдя до каньона речки Шульган, я вижу птицу, о которой много слышал и много читал, но первый раз встретил.

Оляпка... Птица сидит на покрытом инеем камне у водопада. Брызги воды ледяным бисером оседают вокруг.

То ли по природной привычке, то ли от волнения, что видит рядом с собой человека, оляпка, как заводная игрушка, смешно приседает, сопровождая движения песней.

Оляпку зовут кое-где водяным воробьем. Но почему? Ни в облике, ни в повадках воробьиного нет ничего. Будь подлиннее хвост и будь оляпка крупнее телом, принял бы ее за дрозда. Но хвост у певунии напоминает хвостик крошки-крапивника – задорно торчком вздернут кверху. Изящен наряд у оляпки – куртка бархатно-черная, манишка белизною поспорит со снегом. И странно плясунья меняет форму: то похожа на шарик с головкой, а то вдруг становится веретенцем – точь-в-точь барсучок-поползень.

В веретенце моя знакомая обращается сразу, как только прыгает с камня на мокрую гальку и начинает проворно ворошить ее клювом. Охотясь за козявками и жуками, она забредает в речку. И вдруг, не замедляя резвых движений, уходит под воду.

Вода в текущем из пещеры Шульгане кристально чистая. Все же мне видно лишь темную тень оляпки и перламутровый шлейф из пузырьков воздуха, отмечающий ее бег под водой. Движенья те же, что были на отмели, и добыча, как видно, та же: козявки, личинки. Но вот попалась, кажется, рыбка величиною со спичку. С этой сверкнувшей на солнце добычей

охотник выбежал из воды, порхнул на камень, и вот он уже превратился в черный с белой отметиной шарик. И успокоенно задремал.

У меня от мороза онемел нос, руки не слушаются, фотокамеру, чтобы не отказала, держу за пазухой. Приятель мой наверху, над Шульганом, слышу, пляшет на месте – замерз. А оляпка после хождения под водой сладко дремлет.

Две птицы поражают воображение человека на зимнем холоде. Клест, который именно в это суровое время выводит птенцов, и оляпка, «по морозу ходящая в воду за пищей».

Оляпка не принадлежит к привычным для нас водным и водоплавающим птицам (гуси, утки, поганки), у нее на лапках нет перепонки. Оляпка, подобно дроздам, трясогузкам, скворцам, добывала когда-то свой корм на суше, предпочитая, как видно, берега речек. Забредая иногда в воду, она приспособилась постепенно полностью погружаться в нее. Оперенье оляпки приобрело необычайную плотность и обильно смазано жиром – тело птицы в воде остается сухим. Ноздри у птицы закрываются клапанами, а уши – складками кожи. Водолаз в полной форме!

И вот живет оляпка теперь исключительно у воды и лето, и зиму, выбирая потоки, не скованные морозом. Такую воду встретишь зимою только в горах и предгорьях. Но старики говорят, что жили оляпки раньше и на равнинах – у водяных мельниц. Возможно, этим объясняются редкие, удивляющие орнитологов залеты птичек в равнинную полосу.

В горах и предгорьях почти любая незамерзшая речка, любой ручей обжиты оляпками. Корма в воде на зиму хватает едва. Потому вопрос территории для оляпки – наиважнейший.

Зимует оляпка почти всегда в одиночестве, и лишь к весне ближе образуются на ручьях парочки.

Такое сообщество я и встретил в южноуральских предгорьях на речке Шульган. Птицы, кажется, отводили душу после долгого одиночества – покормившись, они носились впереводку над самой водой, повторяя все изгибы прихотливой речонки.

...До сих пор стоит в ушах скрип морозного снега, журчанье воды и веселая бодрая песенка «Фью-цы-цы! Фью-цы-цы!» – песенка водолаза-оляпки.

Фото из архива В. Пескова. 14 марта 1982 г.

Выстрелы ночью...

«Меня грозятся убить...» – писал он в последнем своем письме. Я хорошо понимал, насколько реальна эта угроза в пустынных калмыцких степях. Ночами при свете фар браконьеры убивали сайгаков десятками, пока не наполнится кузов грузовика. Инспектор-охотовед Улдис Кнакис твердо встал на пути этих разбоев. И развязку можно было почти предвидеть. Улдис был человеком неробким, честным и твердым, а те, кто грабил степи, были алчны и беспощадны.

Стычка произошла сентябрьской ночью. Улдис, выследив браконьеров, стал их преследовать. Из кузова грузовика его машину осветили слепящей фарой. Началась перестрелка. Улдис стрелял по шинам автомобиля, браконьеры целились прямо в сердце и не промахнулись...

Смертельная рана Улдиса Кнакиса до сих пор кровоточит и в сердце у всех, кто знал этого человека. Это была жертва не слепого случая. Это была смерть в бою, когда сошлись непримиримые силы, обозначенные сегодня не только фронтом охраны природы. Это была схватка людей, по-разному толкующих старую мудрость «живем один раз». Честный, смелый и благородный Кнакис, не соблазнившись после блестящего окончания иркутского института легкой научной карьерой, жил в казенном степном домишке, где печь топилась отслужившими, собранными в степи автомобильными покрывками и постель накрывалась шинельного сукна одеялом. Его счастьем была природа, которую он понимал, любил и охранял не только по долгу нелегкой, сознательно выбранной службы, но и потому, что был убежденным ее защитником, потому что видел в ней одну из высших ценностей жизни, народное добро, взывающее к защите. И он от боя не уклонился. «Живем один раз, и жить надо достойно...» – писал Улдис Кнакис друзьям.

Его противника, его врага в лицо мы не знаем. Он скрылся. И этот человек живет среди нас. Газета с упоминанием Улдиса, возможно, попадетя ему на глаза, возможно, он вздрогнет, а может быть, ухмыльнется: «Живем один раз...» Три этих слова он понимает совсем иначе, чем Кнакис. Мир житейских его интересов и понимание ценности жизни лежат далеко от той печки, которую Кнакис в полупустыне топил отслужившей резиной. Рви, гребь под себя, хватай, тяни поскорее – вот его философия. Он ее исповедует убежденно, со взведенным курком против тех, кто станет у него на пути. Одинока ль эта фигура? Если бы так...

Все мы видим: замки, запоры, запреты, законы, мораль не служат препятствием для жирно живущего паразита, он научился изощренно все обходить, он знает ходы, лазейки и недогляды и особенно нагло ведет себя там, где охрана добра затруднительна, запущена, где добро соблазнительно плохо лежит.

Богатства природы относятся к ряду ценностей, охранять и беречь которые очень непросто. На степь, где пасутся сайгаки, на лес, на таежную нерестовую речку замок не повесить. И потом соблазны запустить руку в кладовую природы приняли угрожающие размеры. Редкий номер газеты сейчас обходится без сообщений о браконьерстве – о вооруженных стычках, об использовании современной техники для грабежа природы, о судах, снисходительных к браконьеру, о причастности к браконьерству должностных лиц.

На что покушаются? «На все, что бегаёт, плавает и летает», – сказал мой друг Борис Алексеевич Нечаев, пресекавший в последние несколько лет пятьсот с лишним вооруженных вторжений в уголья, где он успешно разводит фазанов и зайцев. «Поражаюсь жажде в обход закона застрелить зайца. Отбираю ружья, штрафую, предаю гласности имена – все равно лезут! Но это случай, когда лезут не за наживой: просто чешутся руки взять зайчишку на мушку и оставить с носом бдительного Нечаева. А вот примеры больших грабежей.

В Красноярском крае некие Сухов и Сидоренко убили в прошлом году без малого сотню ондатр. (Помножьте все это на стоимость шапок, и вы ощутите размер обогащения.) В. Хлебников, запустив лапу в Алтайский государственный заповедник, отловил шестьдесят соболей. Дело дошло до того, что стали стрелять уже зубров. Этих почти исчезнувших с лица земли животных ценой огромных многолетних усилий и немалых затрат в нашей стране отвели от линии вымирания. Каждое животное было на особом счету, каждый новорожденный зубренок заносился в специальную родословную книгу. Возрождение зубров стало гордостью нашего государства, наших зоологов, нашего народа. И вот зарегистрировано уже несколько случаев преступной охоты на зубра. Последний случай: трое людей (О. Торба, Х. Чачибая, Р. Барганджия) в лесу Кавказского заповедника убили семь зубров и на вертолете увезли мясо в курортную зону... на шашлыки. Я знаю ученого, который слег при этом известии – всю свою жизнь старик посвятил возрождению зубра. «С чем сравнить злодеянье?! – говорил он, хватаясь за грудь. – Представим, чья-то рука поднялась растащить деревянную церковь в Кижях на дрова. А ведь случилось злодейство именно этого ряда. Зубров – на шашлыки!..»

Более «рядовую» добычу – лосей, сайгаков, оленей, косуль, медведей – бьют повсеместно. (В Приморском крае, действуя в паре, браконьеры М. Корнеев и В. Журавский в прошлом году уложили из карабинов 33 (!) оленя.)

Особое распространение получило механизированное браконьерство. Животных бьют с вертолетов (такие сигналы поступают с Камчатки, Чукотки, из Пермской области), с вездеходов, снегоходов. И повсеместной стала ночная автоохота с фарами. Слепленные светом животные становятся легкой добычей. Зачастую кабанов, оленей даже и не стреляют, а просто сбивают машиной.

Читатель вправе спросить: а как же охрана? Разве не существует специальная служба контроля охоты и пресечения беззаконий? Существует. Только за прошлый год и только по Российской Федерации задержано около 70 тысяч браконьеров и отобрано при задержании 20 тысяч единиц огнестрельного оружия. Легко представить себе, сколько драматических столкновений было при этом. И все же пресечения, отраженные в цифрах, – стакан воды на пожаре. Огромное число преступлений в природе остается нераскрытым, незамеченным или «покрытым» охотинспектором – сплеховавшим, уступившим угрозам или нашедшим общий язык с браконьерами.

Не спешите, однако, с негодованием. Человек на должности этой стал сегодня фигурой почти драматической. Нередко на миллионы гектаров угодий один охотинспектор противостоит сотне-другой нарушителей и откровенных грабителей. «Только половина работников охотнадзора обеспечена транспортом» (данные Главохоты РСФСР). Браконьер же действует на мотоцикле, на гусеничном вездеходе, на «газике», грузовике, вертолете. Вооружение у браконьера безотказно надежное: ружье, карабин, самодельные большой убойной силы винтовки.

И представим себе обстановку, в какой происходит столкновение браконьера со стражем законности и порядка. В городе милиционер преследует преступника необязательно вооруженного. Охотинспектор имеет дело с человеком вооруженным всегда. И в обстановке «с глазу на глаз», в местах безлюдных, глухих, где на помощь рассчитывать не приходится. Очень часто задерживать браконьера приходится ночью, а решившийся на грабеж всегда десятка неробкого – на мушку одинаково смело берет и оленя, и человека... Кто хочет пойти в охотинспектора?... Не много желающих. Не будем, стало быть, удивляться, что не все состоящие на этой должности ей соответствуют.

И все же немало людей, которые честно едят нелегкий охотинспекторский хлеб. Их добросовестная работа граничит с подлинным героизмом. Но что происходит с героями? Мы их чествуем, награждаем, однако нередко с горькой припиской: посмертно. Что ж, эти

люди менее расторопны, чем браконьеры, неметки, несмелы, малорешительны? Нет. Просто разное положение в момент схватки у браконьера и у этих людей. Улдис Кнакис, напомним, стрелял по колесам автомобиля, его же неизвестный убийца бил наповал. И эта ситуация характерная. Соблюдая инструкцию по применению оружия, охотинспектор упускает секунды, которых браконьеру всегда хватает, чтобы выстрелить первым.

А бывает ли «потерпевшей стороной» браконьер? Изредка это случается. Но охотинспектор и тут попадает в положение незавидное. В глазах мечтающих поживиться это «изверг», стрелявший из-за какого-то кабана. «Извергу» угрожают сжечь дом, подстерегают на глухой тропе, грозятся изувечить его детей. Но хуже другое. Суд, неизбежно возникающий в случаях столкновений, очень часто, если даже инспектор действовал в рамках инструкции, склонен видеть в его поведении «превышение», «нарушение». Человек, стоявший с риском для жизни на страже закона и государственного добра, оказывается на скамье подсудимых. Причем браконьеры в этих случаях автоматически выглядят не браконьерами, а невинно пострадавшими «советскими гражданами», инспектор же превращается в «преступника».

Дело инспектора Медведева (Иркутская область) – характерное в этом смысле. Ночью Медведев и лесник Шаповалов в печально известной набегами браконьеров Кырменской пади выследили машину, при свете фар искавшую в поле косуль. Попытка ее задержать привела к столкновению. Машина, не сбавляя скорости, неслась на инспектора. Он успел отскокить, а вскрикнувший Шаповалов упал. Остановить машину можно было, только стреляя ей по колесам. После двух выстрелов «газик» остановился – в этой до крайности напряженной ночной суматохе был ранен один из сидевших в машине. К несчастью, рана оказалась смертельной. И возникло судебное дело, по которому охотинспектор Геннадий Медведев был обвинен в «превышении служебных полномочий»: применил оружие, когда, мол, реальной угрозы не было. То, что машина совершала наезд на людей при попытке ее задержать и являлась оружием столь же опасным, что и винтовка, судом игнорировалось. «Нельзя допустить, чтобы уважаемые личности – директор совхоза В. Домничев и главный инженер совхоза Л. Мантатов – могли решиться наехать на человека» – странные доводы для людей, отправляющих правосудие. Но итог разбирательства был таков: явные браконьеры отпущены с миром, а инспектор Медведев, определенный судом как «преступник, представляющий большую общественную опасность», получил пять лет строгого режима.

Уверенный, что действовал в полном соответствии с инструкцией и законом, Медведев обжаловал приговор. Пока дело его плыло по волнам судебных инстанций, «уважаемое лицо» – главный инженер совхоза «Память Борсоева» Леонид Борисович Мантатов снова попался на браконьерстве, причем на том же самом месте, в Кырменской пади. И опять останавливать его пришлось не иначе как выстрелами, теперь уже другому инспектору. Такой оказалась «воспитательная сила» суда.

Дело Медведева дошло до Генерального прокурора СССР, было изучено. И вот заключение: «Дело прекратить из-за отсутствия состава преступления... Данное дело является грубой ошибкой следственных и судебных органов».

Несут ли суд и следствие какую-нибудь ответственность за ошибки? Наверное, должны бы нести во избежание ошибок грядущих... Что касается Медведева, то он, несмотря на все пережитое, вернулся на прежнюю службу, на нелегкий инспекторский хлеб. И за это ему спасибо, пост его нынче до крайности важен.

Но вот перед нами новое дело – как две капли воды похожее на иркутское. О нем мы расскажем в следующем номере.

На этот раз развязка драмы случилась под Усманью, городком в Липецкой области, широко известным производством махорки и еще тем, что соседствует он со старейшим в нашей стране Воронежским заповедником.

Заповедных границ и столбов с упреждающими надписями животные не признают. У них свои тропы, свои законы передвижения и обитания. Олени и кабаны, например, выходят ночами на поле, большим языком входящее в массив заповедника. И браконьер тут как тут. Способ добычи хорошо отработан. Автомашина «челноком» чешет поле. Попавшее в полосу света животное не спеша берется на мушку или вовсе без шума убивается скорым наездом автомобиля.

Заповедник, расположенный в густонаселенной сельскохозяйственной и промышленной зоне, в последние годы очень страдает от браконьерских набегов. Охрана заповедников работает в изнурительном напряжении. Для усиления ее пришли добровольцы, студенты-биологи из Воронежа.

В ночь на 26 сентября прошлого года инспекционный патруль – пять работников заповедника и три студента – отправился в зону, где браконьерство случалось особенно часто. Возглавлял группу охотовед Николай Митрофанович Комов.

После полуночи на поле, прилегающем к заповедному лесу, патруль заметил одну, потом еще две машины, совершавшие характерный, хорошо знакомый охране поиск животных с помощью фар. Это была слаженная, явно коллективная «работа»: машины сближались, расходились, снова сближались, шли параллельно. Понаблюдав за охотой более получаса и размышляя, как преступников задержать, патруль занял позиции в двух местах, где машинам пришлось бы с поля выезжать на шоссе...

В первой из задержанных машин (это был служебный «Москвич» председателя Усманского горисполкома) было двое: за рулем шофер председателя Виктор Тарлыков, рядом – Иван Попов, шофер еще одного учреждения Усмани. Оба пьяные. На сиденье автомобиля лежало заряженное пулей ружье. Остановив попытки сигнализировать светом из «Москвича» машинам на поле, патруль занял позицию для задержания этих машин. Кульминационная точка драмы приходится на 1 час 30 минут ночи. И все бы тут было в точности как в иркутской истории. На сигналы остановиться одна из машин – микроавтобус «Кубань» все из того же исполкомовского гаража – резко прибавила скорость. Находившийся на дороге Николай Комов успел отскочить, а студент, стоявший сзади него, закричал. Полагая, что сбит человек, Комов стреляет по колесам уходящей машины. В то же мгновение вторая машина (светло-желтого цвета «газик»), нанеся телесное повреждение пытавшемуся ее задержать студенту Виталию Юшманову, быстро уходит. Все это длилось две-три секунды. Ночью. При обстановке, в какой, припомним, действовал Улдис Кнакис, в какой чаще всего приходится действовать охотинспекции.

Дальше события потекли медленней, но не менее драматично. Желтого цвета «газик» скрылся, а микроавтобус, проехав с полкилометра, остановился – оказалось, что рикошетом пуля задела одного из людей, сидевших в машине. Им оказался Николай Смольяников, шофер горисполкома. Патруль немедленно оказал пострадавшему помощь и отправил в больницу. Ранение к числу тяжелых отнесено не было, и патрульная группа, явившись в милицию, попросила немедля взяться за поиски третьей машины.

Без труда было установлено, сколько в районе «газиков» светло-желтого цвета. В течение двух утренних часов было установлено также: все они, за исключением одного, находились ночью на месте. Отсутствовал в гараже лишь «газик» одного районного учреждения. Его дождались к вечеру. Сидевший за рулем комендант учреждения Владимир Никонов при виде милиции и работников заповедника «растерялся и даже дал задний ход», но быстро оправился. Въехав во двор, он солидно сказал: «Не лезьте, не знаете, чья машина...»

И следствие у этой точки событий вдруг сразу увяло и действительно никуда «не полезло», несмотря на требования Комова и других участников патруля действовать по горячим следам. Реальные возможности либо сразу исключить «газик» из событий минувшей

ночи, либо серьезно его заподозрить были. Одна из них – сличенье следов от колес. Однако и шага к этим следам следствие сделать не захотело.

Между тем неожиданно, пожалуй, даже загадочно, на десятый день пребывания в больнице, когда уже почти был на ногах, шофер Николай Смольянинов умер. Хирург В. В. Буянков на суде чистосердечно развел руками: «Неожиданный сепсис. Справиться не могли: пострадавший оказался аллергиком к примененным лекарствам».

После печальных вестей из больницы следствию неизбежно пришлось шевелиться. Шевелилось оно довольно долго – четыре месяца. «Менее опытного» следователя сменил «более опытный», и угол зрения на события стал таким: никакого браконьерства, никакой незаконной охоты не было. Сентябрьской ночью на поле случайно, каждая по своим делам, оказались машины, принадлежавшие горсовету. А коли так, заповедный патруль и возглавлявший его охотовед Комов представляли некоей разболтанной братией с карабином, стреляющей куда попало, в кого попало.

И вот собрался в Усмани суд.

Я много лет и хорошо знаю Николая Митрофановича Комова. В охране заповедника он всегда был опорой. Дисциплинированный, мужественный, до щепетильности бескорыстный, пришедший к профессии охотоведа по призванию, преодолев немало житейских трудностей. Охрану природы Комов всегда считал не только служебным долгом, но и делом человеческой совести. Так же как Улдис Кнакис, Комов не раз видел направленный в его сторону ствол ружья, ему грозили расправой, но, получая задание на несомненно опасное дело, он никогда не сказал и, я уверен, даже не подумал: «А что, мне больше всех надо?»

Более подробно и точно так же характеризовал Комова коллектив заповедника. А общественный защитник, известный в стране биолог, преподаватель Воронежского университета Леонид Леонидович Семаго сказал на суде: «Мы в университете отдаем себе полный отчет: патрулирование по охране природы – дело опасное и ответственное. Комов относится к числу людей, которым можно доверить воспитание студентов. И мы ему полностью доверяем».

На суде Комов и члены его патруля дали четкие, ясные, не вызывающие сомнений показания. Другая сторона участников драмы предстала перед судом лишь в роли свидетелей. Изворачиваясь, не сводя концы с концами в своих показаниях, явно нарушая присягу «говорить правду и только правду», усманские шоферы пытались выдерживать роль случайной жертвы, оказавшейся на пути патруля... «Мы друг друга не видели... Каждый был по своему делу».

Какие же «дела» привели шоферов в осеннюю полночь на поле у заповедника? На этот вопрос двое из «Москвича» ответили так: «Приехали выпить и поиграть в карты...» На микроавтобусе в полночь на поле приехали тоже затем, чтобы «выпить бутылку водки и послушать музыку» (показания И. Кудряшова, сидевшего в момент задержания рядом со Смольяниновым). Вот такая компания выезжала на шоссе в поле после полуночи.

Все подробности судебного разбирательства не оставили сомнения в том, что люди на трех машинах занимались незаконной охотой, что применили при задержании обычный для браконьеров способ: прибавить скорость и, не считаясь с тем, что могут сбить человека, уйти безнаказанными... Действия патруля в такой ситуации несомненно были оправданными. Тем не менее усманский прокурор В. И. Самсонов, согласившись со следствием и, по существу, игнорируя все, что было услышано в зале суда (в том числе элементы несчастного случая в этой драме: рикошет пули и «медицинский момент» происшедшего), счел охотоведа Николая Митрофановича Комова виновным и потребовал строгого наказания – пятилетней изоляции со строгим режимом.

Старая Усмани вряд ли знала судебный процесс, собравший больше людей, чем этот. Три дня зал городского суда был набит до отказа. И были тут не только любопытные. Сидели

рядом, глотая таблетки, мать и отец погибшего Николая Смольянинова. Горе застилает глаза. Но, может быть, только тут, на суде, люди почувствовали: сына их погубила не встреча с патрулем заповедника, погубила компания, в которой он оказался. В зале суда сидела почерневшая, ставшая тенью жена Комова. В зале было много людей, кричавших время от времени: «Из-за какого-то кабана!..» И тут же сидели работники заповедника, обязанные сохранять этого кабана (оленья, бобра). Для них, хорошо знающих, какое это трудное дело – охрана, осуждение Комова было бы приговором самой возможности уберечь что-либо под боком Усмани. Подвыпившая компания местных парней крутилась у входа в суд, откровенно угрожая расправой Комову и «всем остальным». И были на этом суде молодые ребята, приехавшие и прилетевшие с разных концов страны. Это были студенты биологических факультетов различных вузов, участники патрулей по охране природы, завтрашние охотovedы-инспектора – люди, которым придется стоять на страже природных богатств страны.

Съехались на процесс журналисты областных и центральных газет. Не было в зале суда лишь представителей местной газеты. Не было на суде представителей районной власти. А им было бы что тут послушать...

Судья Н. А. Устинов отложил вынесение приговора. Приговора нет и поныне, спустя почти два месяца после суда. Будем надеяться, после «выяснений и консультаций» решение судьи будет мудрым и справедливым.

Любопытный факт: в те самые дни, когда в Усмани шел многолюдный, шумный процесс, рядом, в заповедном лесу, опять дерзко действовал браконьер. Он взят с поличным возле убитого кабана. Это был вызов: судите-рядите, а мы свое дело знаем...

Укоротить браконьеру руки! Эту нелегкую, непростую задачу надо решать сейчас повсеместно. И общее наше дело – всеми возможными средствами предупреждать покушения на природу. Есть ли у нас тут какие-нибудь рычаги, резервы, общественные возможности? Несомненно.

Вот этот усманский случай. Его ведь могло и не быть. Уже несколько лет Воронежский заповедник борется за создание охранной, буферной зоны вокруг своей территории. Речь идет о полосках земли шириной от сотни метров до километра, не изымаемых из хозяйственного пользования колхозов и совхозов, но контролируемых заповедником. У колхозов и совхозов на этот счет нет никаких возражений. Воронежский облисполком (заповедник находится на территории Воронежской и Липецкой областей) проблему разрешил сразу. Буферная зона тут существует уже несколько лет, и налицо результат: на этой линии браконьерства почти не бывает. А вот Усманский исполком и Липецкий облисполком многочисленные ходатайства заповедника либо не достаивали ответом, либо начинали объяснять заповеднику, что-де олени и кабаны не такие уж редкие звери, чтобы о них так заботиться.

Объяснение этой странной с виду позиции очень простое: хотелось иметь хорошую, добычливую охоту у самой черты заповедника. И охоту эту имели. Стоит ли удивляться, что вся граница заповедных лесов на липецких землях стала зоной махрового браконьерства.

Все, что случилось сентябрьской ночью, – лишь частный случай этой распущенности. В охоте, повлекшей за собой драму, принимали участие шоферы двух ответственных в Усмани учреждений. Охота проводилась на государственных машинах, машинами пользовались бесконтрольно, без путевых листов, ночью. Люди в машинах были пьяные. Транспорт с такими людьми – угроза не только злосчастному кабану в поле, но и любому встречному на дороге.

Прокурор на суде ни единого слова укора не обронил в адрес высоких усманских учреждений. Так пусть же в этих заметках с суда прозвучит слово «виновны»!

И важно, чтобы слово это услышали повсеместно, где попустительствуют использованию автомобилей, вездеходов, вертолетов, катеров, снегоходов для подсудной охоты, именуемой браконьерством.

И наши суды... Я знаю лишь редкие случаи, когда браконьерство каралось с подобающей строгостью. Всего же чаще наблюдается снисходительность либо судьи разводят руками – «рамки закона...»

Сколько, вы думаете, получили стрелявшие в заповеднике зубров? От двух с половиной до четырех лет. И это за преступление, принесшее обществу не только большой материальный, но, главное, огромный моральный ущерб. Наказание как за телушку, уведенную с фермы.

А как наказали охотников, застреливших на Дальнем Востоке 33 оленей? Их осудили на три года... условно. Вот так!

Зато инспектор, окажись он настойчивым, неподкупным, неробким, – сплошь и рядом фигура неудобная, нежеланная, и не только для шоферов, но, случается, и для тех, кого шоферы возят. И уж если по обстоятельствам нелегкого своего дела инспектор окажется перед судом, тут ему, охраннику народного добра и защитнику всего живого, снисхождения не бывает. «С одной стороны – пуля, а уберется – решетка маячит. Такая у меня должность», – написал в газету охотинспектор из Пермской области. Грубовато, но все так и есть. Но так не должно быть, иначе Нечаевы, Комовы, Медведевы могут сказать: «Что же, нам больше всех надо?» А место их тут же займет охранник, чья песня хорошо нам знакома: «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу».

Недавно принятый Верховным Советом страны закон «Об охране и использовании животного мира» обязывает нас не давать в обиду людей, стоящих на страже закона. Требуя от них твердости, неподкупности, мужества, общество обязано заботиться об их служебной неприкосновенности, авторитете, их жизненном статусе, престиже их дела. Представляется справедливым в определении охотинспектору льгот, выслуги лет, отличий и поощрений приравнивать их к тому, что имеет работник милиции, – тяготы службы и риск у людей одинаковы.

И разборы конфликтов в судах... Браконьерство должно быть наказуемо более строго. Сумму иска за причиненный государству ущерб надо сделать такой, чтобы браконьерство стало делом «неокупаемым». Примеры преступной охоты на зубров, на соболей, массовые истребления оленей, охота на редких животных, занесенных в Красную книгу, требуют особо строгого наказания. И это Уголовным кодексом надо предусмотреть.

Судебная практика требует также внимательно приглядеться, почему в экстремальных случаях охотинспектор так часто оказывается в положении «превысившего полномочия». Не нуждаются ли существующие положения кодекса в пересмотре либо толкование их требует специального разъяснения Верховного суда СССР? Суды, которым еще не раз предстоит разбирать конфликтные ситуации в связи с покушением на природу, не должны упускать из виду: по обе стороны от границы крайнего риска стоят силы полярно противоположные: один – защитник, другой – грабитель. Один «целится по колесам», другой, чтобы скрыться, целится прямо в сердце.

Затронутая проблема сегодня волнует всех. Но особо, кровно она касается тех, чья судьба, чья служба связаны с охраной природы. Вот что пишут в редакцию студенты факультета охотоведения Иркутского сельскохозяйственного института:

«...Горестные известия о гибели наших друзей приходят в институт постоянно. Но никто из нас не струсил, не пал духом, не отступился от избранного пути. Мы хотим только, чтобы положение наше было улучшено. Надо пересмотреть законы, карающие браконьерство. Они должны быть более суровыми. И наша личная безопасность... Работник милиции, находясь на службе, неприкосновенен. Наша служба, наша ответственность требует такого же отношения». Следует 204 подписи.

Этот голос завтрашних наших защитников природы, надеемся, будет услышан.

16, 17 апреля 1982 г.

Неодетая весна Окно в природу

Пора эта очень недолгая – дней десять всего. Снег земля скинула, а в зелень еще не оделась. Половодье утихло, но в бочагах и канавах много воды. Вода сочится под сапогами. В посветлевшую воду глядятся ивы и ольхи. Преобладающий цвет у земли – рыжевато-белесый. Полеглые, отбеленные снегом травы, листья и бурьяны подсыхают, хрустят под ступней. А там, где снег еще только сошел, рыжеватая корка земли хранит отпечаток великой мышинной жизни под снегом: туннели, гнезда из мягких стеблей, шахты, кладовки, трассы отважных странствий под снегом. Зимой только лисы знают про эту жизнь. Теперь же мышинные царства доступны глазу. Они похожи на древние городища, лишённые жизни. Но ведь не смыли же вешние воды мышиный народец. Где-то он тут, под ногами – затаился, укрылся от снежной воды.

Вороны, сидящие неподвижно в центре мышинного государства, отлично знают: терпенье вознаграждается. И вот одна из них шумно взлетела с добычей – видно, как возле клюва мотается гибкий мышиный хвост.

Неодетый лес прозрачен, светел и голосист. Горланят дрозды, свищет скворец, рюмит перед дождиком зяблик. На гулком сосновом суку творит любовную песню дятел, кричат чибисы на опушке, звенит невидимый жаворонок. Среди громких и сильных звуков вдруг слышишь шорох. Кто бы это?.. Да муравьи! Дубовые листья возле прогретого солнцем жилища подсохли, и муравьиный топот по ним отчетливо слышен.

Лимонного цвета бабочка замелькала между деревьями. Провожая ее глазами, вдруг видишь в буроватом сквозящем пространстве брызги лилово-розовой краски. Цветет волчье лыко. Цветут в это время еще орешник, осина, желтыми звездами на суглинистых бугорках показала цветы мать-и-мачеха. Но царствуют в неодетом лесу цветущие ивы. Семейство у этих кустов и деревьев большое – ива ломкая, ива шелюга, ива бредина... И цветенье многообразное: то видишь большие желтые фонари, то жемчужную мелкую россыпь, то большие серебряные барашки. Мягкая «шерстка» на этих цветах – утепление на случай морозов.

Буровато-рыжее время... На припеках, однако, прошлогоднюю ветошь уже проткнули зеленые шильца травы, показалась молодая крапива, и уже до предела набухли древесные почки. Дело теперь за теплом. Два-три погожих солнечных дня – и землю накроет пахучий зеленый дым. Время неодетой весны истекает: зеленый дым и следом – зеленый шум. А потом и все остальное, что приносит на землю раньше и раньше встающее солнце.

Фото автора. 23 апреля 1982 г.

Штурман с «Антон Чехова» Представляем делегата XIX съезда ВЛКСМ Николая Шашеро

«Антон Чехов» – самый большой и красивый теплоход на Енисее. Когда он стоит у причала, матери приводят детей показать им белое чудо, ходящее по реке до самого Ледовитого океана. Превращенный в музей колесный дедушка – пароход «Св. Николай» рядом с многоэтажным «Антоном Чеховым» кажется малой двухтрубной избушкой. Два этих судна поучительно видеть одновременно. Два символа времени на бесстрастно текущей воде. И два великих имени связаны с этими ходаками по Енисею. На «Св. Николае» из Красноярска в Минусинск весной 1897 года плыл Ленин. Теплоход же назвали в память о встрече Чехова с Енисеем.

Тридцатилетний Антон Павлович в 1890 году предпринял великое для него путешествие – проделал путь от Москвы до острова Сахалина. Сегодня это одиннадцать часов полета. Чехов же был в дороге одиннадцать с лишним недель. И он не делал длительных остановок – в Красноярске у Енисея задержался всего один день. Этого было, однако, довольно, чтобы почувствовать величие вод, текущих по самой середине Сибири. «В своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея», – писал Чехов.

Легко понять, как дорого это свидетельство всем енисейцам. Любая книжка об этом крае непременно содержит знаменитые строчки. И когда заложили на верфях достойный великой реки большой теплоход, его нарекли «Антон Чехов».

Николай Шашеро.

Строили теплоход далеко – на Дунае. Беседуя с капитаном, коренным енисейцем Иннокентием Васильевичем Копеевым, я спросил: как же эту машину доставляли с Дуная на Енисей? Оказалось, путь такой существует. Его интересно хотя бы мысленно проследить: Дунай – Черное море, Азовское – Дон – Волго-Донской канал – Волга – Рыбинское море – озера: Онежское, Ладожское – Нева – Финский залив – Балтийское море – крюк по Атлантике

вокруг Норвегии, Ледовитый океан... «Ну а дальше – рукой подать до устья батюшки-Енисея», – сказал капитан.

В год, когда спустили на воду теплоход, его нынешний штурман (второй штурман) Николай Шашеро, выросший на брянской маленькой речке Сновь, сидел над картой, размышляя, какое место выбрать для жизни. Образцово окончив морское училище в Ленинграде, он получил право выбора. И выбрал он Енисей. Знаменитых чеховских слов о реке он не знал. Выбор помогла сделать книга «Царь-рыба» – о Енисее и енисейцах.

С «Антоном Чеховым» Николай встретился вблизи енисейского устья, в Дудинке. И пока шли с севера в Красноярск, опытный капитан мог присмотреться, кто чего стоит из новичков. Так брянский парень стал енисейцем.

У речников река почти всегда становится рекою-судьбой. Переезд на иной водный путь – дело нечастое, чрезвычайное. И не потому, что дом, семья, друзья-товарищи держат. Держит река. От рейса к рейсу, от года к году в памяти лоцмана, штурмана, капитана водный путь запечатляется в дополнение к картам и лоциям. Поменять реку – значит сразу сделать ненужным многолетний, по крупицам собранный капитал. Капитал этот особенно важен на реках «с характером». И Енисей как раз такая река.

«Река сильная, своенравная и коварная. Ее полагается знать наизусть», – сказал капитан Иннокентий Копеев, посвящая новоприбывшего в речники. И вот четыре года уже Николай Шашеро постигает крутой енисейский характер. Много всего тут надо запомнить. В разных местах разное у Енисея течение. Тысячи речек и рек вбирает в себя «таежная Амазонка» по пути к Ледовитому океану. Среди них есть очень большие. С Ангарой, например, Енисей сливается как равный с равной. И сразу становится вдвое мощнее. Вниз идет теплоход – к его скорости (очень немалой – 25 километров) прибавляется скорость течения. Птицей летело бы судно в каменных берегах. И много мест на реке для такого полета. Но часто приходится скорость убавить до самой малой. Камни! Ложе у Енисея из камня. Местами камни откровенно торчат из воды, но много их спрятано. (Речные названия на карте: Анамоновские камни, Подъеминские камни, Предивинские камни, Бурмакинские камни, Пономаревские камни... «Все не сможете записать, – улыбнулись штурман и капитан, – их очень много».)

Есть место на Енисее, известное со времен казаков-землепроходцев, – Казачинские пороги. Тут скорость воды над камнями почти равняется скорости проходящих судов. Весь енисейский флот: катера, баржи, большие и малые теплоходы покоряются тут Енисею и прибегают к помощи, существующей только на этой реке. Специальный буксир-туер, наматываемая на лебедку закрепленный намертво трос, как альпинист по веревке, взбирается против течения и ведет за собою суда. Проход Казачинского порога – всегда событие. Сам капитан выходит на мостик, вся команда и пассажиры следят за проходом, и все облегченно вздыхают, когда на опасное место можно глянуть уже с кормы.

А сколько мест на реке, опасность которых знает лишь штурман. «Между днищем «Антон Чехова» и каменным ложем реки иногда остаются не те желанные «семь футов», а всего лишь минимальные двадцать сантиметров. Ничтожный просчет – и ты на камнях».

«Знать наизусть реку» – задача серьезная и нелегкая. К счастью, она совпадает с ненасытным желанием человека узнавать, узнавать... («Капитан: «Сорок лет хожу по реке – сорок лет не могу наглядеться». Молодой штурман: «Иногда хочется разбудить пассажиров: смотрите!..»)

Путь Енисея – это разрез Сибири по линии север – юг. В июле рейсом до Диксона «Антон Чехов» уходит из Красноярска, когда жара размягчает асфальт, когда бульвары пестрят цветами. А всего через шесть дней штурман ведет теплоход уже между льдинами. Белые ночи. Лежат на льдинах тюлени. Летают полярные птицы. Енисей в этом месте уже не река, а море – между берегами до сорока километров.

У водной линии север – юг лежат сибирские жаркие степи, желтеют поля хлебов, зеленеет тайга, о которой Чехов сказал: «...одни только перелетные птицы знают, где она кончается». Но имеет край и тайга. Безлюдные, непролазные, подходящие к самой воде леса постепенно становятся лесотундрой. Потом уже тундра со стадами оленей, с гусиными стадами, с коврами ярких цветов, с полями белой пушицы проплывает справа и слева по борту. И вот уже батюшка Ледовитый океан качает «Антон Чехова» на волнах. (Капитан: «Дело привычное, сорок лет пролетели, как одна навигация». Молодой штурман: «А я никак не привыкну, кажется, вижу долгий счастливый сон».)

Енисей – основная дорога на огромных пространствах Сибири. Сухопутная жилка дороги от Красноярска доходит лишь к Енисейску. Дальше – только водой. Водой движутся люди. Водой – грузы. Множество грузов: лес, горючее для моторов, продукты питания, станки, машины, домашняя утварь, рыба, добытые у Норильска металлы. И всюду лишь возле воды видишь на карте точки селений, старинные сибирские села, для которых тайга с Енисеем – опора всей жизни. (Наверное, есть тут любимые остановки? Капитан: «Для меня это Ворогово – родился в нем, выросал. Когда подходишь, старушки выползают на пристань: «Иннокентий приплыл...» Молодой капитан: «Да, Ворогово. И еще Ярцево – в «Царь-рыбе» как раз это место затронуто».)

Хорошо было бы говорить о реке, проплывая по ней. Но я на «Антоне Чехове» был в момент, называемый речниками «вооруженьем». Разумеется, никаких пушек, никакого оружия! Вооруженье – это возвращение судну всего, что с него удалили на время зимней стоянки. И теперь заново комплектовалась команда, вешались занавески, по трубам пустили воду. Прогревалась машина. Ставились находившиеся в починке и на проверке приборы. Восемьдесят человек экипажа усердно готовились к навигации.

У Красноярска река была безо льда. Но день был серый, со снежной поземкой. И, глядя из рубки на воду, я пытался представить выходящего тут из дорожной коляски Антона Павловича, пытался представить его настроение, состояние, дошедшее к нам в очень сильных словах: «...не видел реки великолепнее Енисея, – добавил штурман. – Но Чехов не ошибся. Он верно почувствовал эту реку, угадал ее красоту. Его бы к нам пассажиром...»

Рядом с нестарым еще капитаном штурман выглядит совсем юношей. Но Енисей уже стал для него рекою-судьбой. На «Антоне Чехове» Николай Шашеро показал все лучшие качества человека, комсомольца и речника. И когда пошел разговор о посланцах на съезд комсомола, «делегатом от Енисея» назвали его.

– Как бы вы совсем коротко сказали о Николае? – спросил я Иннокентия Васильевича Копеева.

– Аккуратен, трудолюбив, имеет хорошую память, полюбил реку, надежный товарищ. В нашем деле это лучшая аттестация, – сказал капитан.

– Мало-помалу может стать капитаном на Енисее?

– А отчего ж нет? Мы, старики, ведь не вечны. «Нет того понедельника, который не уступил бы своего места вторнику». Это я, между прочим, тоже у Антона Павловича прочитал...

Размышляя о судьбе Николая, я подумал: очень повезло парню, что попал он с брянской своей речушки на Енисей, на большое хорошее судно и к хорошему мудрому капитану.

Фото автора. Красноярский край. 9 мая 1982 г.

Кукушка Окно в природу

Эту птицу наверняка слышал каждый. Ее нехитрую песню ни с чем не спутаешь. «Ку-ку!.. Ку-ку!..» – и мы замедляем шаги, считаем. Меланхоличный, чуть грустноватый голос заставляет подумать о жизни, о быстро бегущих днях.

А где же певец? Увидеть его не всегда удастся. И все-таки облик кукушки, немаленькой птицы, напоминающей ястреба, многим известен. Специалистам и любознательным людям известна и частная жизнь этой птицы, очень своеобразная жизнь, в которой много еще загадок. Известно, что кукушка не вьет гнездо, а двадцать примерно своих яиц с большим искусством и вовремя кладет в чужие гнезда. Известно, что кукушонок, едва покинув скорлупку, немедленно избавляется от «молочных» своих братьев – выталкивает из гнезда яички или уже птенцов. Известно, какого труда стоит приемным матери и отцу воспитанье подкидыша – рядом с кормящей птичкой он выглядит страшным, прожорливым великаном. Известно, что какой-нибудь корольек (самая малая наша птица), сбиваясь с ног, продолжает кормить кукушонка, когда тот может уже летать, но еще не приспособлен как следует сам прокормиться. И никакой в ответ благодарности! Став на крыло и окрепнув, молодые кукушки отдельно от взрослых улетают зимовать в Африку или в Индию (кто подсказывает им дорогу?), чтобы, явившись весной к месту рожденья, начать все снова по известному кругу, заведенному у кукушек.

Какие причины заставили кукушек (а в других местах земли, кроме них, еще дятлов, ткачей, трупялов) отказаться от столь милого каждой птице «домашнего очага» с детворой и продолжать свой род столь необычным способом? На этот вопрос убедительного ответа пока что не существует. Что касается поведения кукушки в момент гнездования птиц, поведения кукушонка и его приемных родителей, то тут сделано много тщательных наблюдений. А фото- и киносъемка лесную тайну, доступную раньше только немногим натуралистам, сделали драматическим зрелищем для миллионов людей, сидящих у телевизоров.

Фото- и киносъемка гнезд с кукушонком – дело нехитрое, важно лишь отыскать такое гнездо. Иное дело первая фаза драмы – кладка яйца-подкидыша. Вероятность оказаться с фотокамерой в нужной точке и в нужное время ничтожна. И тут мы доверяемся лишь рассказам и записям. Многочисленность наблюдений позволяет установить: жертвами кукушек становятся более полутораста мелких птиц Европы и Азии, от королька до дрозда (знакомые нам: камышовки, малиновки, трясогузки, зарянки, чижи, крапивники, пеночки, корольки... соловей, случается, тоже растит кукушонка).

Энергии, старания, изобретательности, какие тратит пара кукушек на поиски нужных им гнезд, на кладку яиц, на охрану избранной территории от других кукушек, вполне бы хватило на житье «своим домом». Но таков зигзаг эволюции этих птиц. Прилетая в наши леса в момент появления первой зелени, кукушка-самец «столбит» свою территорию кукованьем и постоянным облетом. Кукушка-самка (она не кукует, издает лишь хохочущий звук) прилетает чуть позже. И весь май у кукушек идет охота за гнездами.

Наблюдатели отмечают: птицы внимательно и прилежно осматривают свою территорию. Сходство с ястребом помогает им сеять панику и обнаруживать гнезда, с которых слетают птицы. Однако не любое гнездо остановит внимание кукушки. У разного вида птиц яйца имеют свои размеры, свою окраску. Кукушки к этому приспособились – их яйца почти копируют яйца избранной жертвы. Кукушка должна иметь на примете множество нужных ей гнезд. С промежутком в два дня сносит она яичко и кладет его с точным расчетом туда, где время насиживания совпадает с интересами будущего кукушонка.

Как ведут себя птицы при виде кукушки возле гнезда? Протестуют! С криком они пытаются отогнать ее от гнезда. Но кукушка, пассивно обороняясь, делает свое дело. И, выбрав момент, когда хозяева гнезда отлучились, «осчастлививает» их подкидышем.

Замечают ли птицы перемены в гнезде? Замечают. И кукушка этот момент учитывает. Оставляя свое яйцо, она из «законных» яиц одно похищает. Но не бросает. Зачем добру пропадать? Кукушка съедает яйцо. И это ей крайне необходимо – непрерывно занятая кладкой яиц в нужные гнезда, она не имеет времени как надо кормиться. Иногда голод заставляет кукушку уничтожить всю кладку и не положить в гнездо своего яйца.

О подвохе в гнезде почти все птицы догадываются, этому способствуют нарушения кукушкой самого гнезда. Но лишь некоторые из них настроены решительно. Одни надстраивают новый этаж гнезда и делают новую кладку. Другие, например, маленький бдительный королек, иногда ухитряются выбросить чужое яйцо. В крошечном клюве яйцо поместиться не может, королек его пробивает и только тогда ухитряется выкинуть. Но чаще всего, упустив главный момент тревоги, птицы успокаиваются, садятся насиживать яйца. А когда появляется кукушонок, начинается в гнезде разбой, приемная мать равнодушно наблюдает, как из гнезда исчезают ее законные дети и начинает расти чудовище, непрерывно требующее еду.

Сложный, тысячами лет отлаженный поведенческий механизм кукушки иногда дает сбой. Бывает, она откладывает яйцо в дупло и выросший кукушонок становится его пленником. Иногда для снесенного яйца не оказывается нужного места, и оно остается лежать на пеньке, на земле.

Был спор: каким образом помещает кукушка яйцо-подкидыш в гнездо? Утверждение, что птица сначала кладет яйцо на землю, а потом в клюве доставляет его в гнездо, подтверждается этим снимком (фотограф-натуралист Пауль Третшель, ФРГ). Но есть наблюденья: кукушка сносит и прямо в гнездо.

Все, о чем тут рассказано, как раз сейчас происходит в зеленом майском лесу. Кукуваньем птицы сопровождают свои большие заботы. Эти заботы не следует мерить нашей человеческой меркой. У природы свои законы. Она ничуть не страдает от того, что детеныш кукушки вырастает в чужом гнезде. В этом, наверное, есть какая-то целесообразность. Мы же должны благодарными быть кукушке за то, что она есть, за то, что единственная из наших птиц способна поедать вредителей леса – волосатых гусениц, и за то, что лес с ее песней обретает манящую глубину, становится радостным, обитаемым.

Фото из архива В. Пескова. 15 мая 1982 г.

Дом Пушкина

Сегодня, 6 июня, – день рождения Пушкина. Всюду, где ступала нога поэта, сегодня будет много людей, и особенно тут, в Михайловском. Однако большинство из нас побывают в этом псковском сельце лишь мысленно. И этот снимок, сделанный три дня назад, может помочь нашему воображению.

Такии дом и все, что к нему прилегает, видят птицы, летящие над Михайловским. Пушкин жил тут более века назад. Легкие его шаги помнят лишь самые старые из деревьев – отдельные липы и ели в парке, да, может быть, ворон, живущий в лесу по соседству и ревниво круживший, пока мы с псковским летчиком Юрием Соловьевым искали лучшую точку съемки. Дом, кусты сирени, молодые деревья, караси в пруду, иволги, желтыми челночками шнырявшие в кронах берез, – потомки всего, что видел тут Пушкин. Дом этот – пятый по счету на старом месте. Время все заставляет ветшать. И в минувшей войне как раз по этому месту проходила линия обороны фашистов. Все было изрыто траншеями. Прямо в доме немцы поставили пушку. Глядя на снимок, легко представить линию боя, идущего на высоте... От построек ничего не осталось. Даже деревья тут умирали от осколочных ран, а земля местами представляла собою сплошное минное поле. И вот перед нами чудо. Все возродилось! Дом построен, каким он был при Пушкине. Все тот же зеленый дерновый круг перед домом, за кругом – деревянный амбарчик, в котором хранились лен, зерно, крупа. Справа за деревом виднеется крыша домика няни. Июньская пышная зелень скрывает постройки слева от дома, пасеку, сад. Но хорошо видны ступеньки, с холма бегущие к Сороти. А дальше за домом – парк со знаменитой въездной еловой аллеей и дорожка у лип, где Пушкин встретился с Анной Петровной Керн. И еще дальше, уже за кадром, – «лесов таинственная сень».

Пушкин, взглянув на этот снимок, наверное, заметил бы перемены. Даже при жизни, увидев усадьбу после долгого перерыва, он приветствовал вечное обновление природы: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!» Не знающая остановок живая природа меняет свои одежды, но она осталась тут пушкинской. И усадьба, претерпевшая множество временных перемен, сейчас максимально приближена к давнему облику.

Но пушкинский мир Михайловского – это не только дом и усадьба. Лесные чащи, озера, Сороть, холмы, деревеньки, дороги по косогорам, валуны у дорог, облака, птицы, цветы на лугах, старые городища, тропинки в травах – все это в необычайном по красоте сочетании являет приходящим сюда мир бесконечно близкого и дорогого нам человека, помогает понять истоки бессмертных его творений. И в который раз убедиться: все великое питалось все-таки обычными жизненными соками, доступными каждой отзывчивой и открытой душе...

Около миллиона людей ежегодно проходят по этим песчаным дорожкам. Половодье людей ежедневно! Но приходит перед вечером час, когда река экскурсантов-паломников иссякает и наступает в сельце Михайловском благословенная тишина. Слышно лишь суету и пение множества разных птиц.

В такое время и сделан снимок. Буйно цвела сирень. Деревья с молодой листвой светились волшебным светом первых дней лета. Одинокий петух ходил по дорожкам усадьбы. Три лошади паслись на поляне. Змейками разбегались с холма дорожки – к озеру Маленец, к Савкиной горке, к городищу Воронич, к стоящей над Соротью мельнице, к переходу в заречную деревеньку с названием Зимари...

А сегодня в Михайловском людно. Сюда на праздник соберутся десятки тысяч людей. В шестой день июня так бывает уже многие годы.

Поклон тебе от нас, святое место России!

Фото автора. 6 июня 1982 г.

Слетки Окно в природу

В Тригорском парке около самой «скамьи Онегина» я увидел двух странных ворон: сидят в неестественных позах и как будто совсем не страшатся людей. Подошел ближе – молодые вороны, видимо, только что из гнезда. Подпустили к себе вплотную. Протянул руку – не шевелятся. Тронул одну за клюв, чуть повернул голову – застыла в навязанной позе, как будто ее слепили из пластилина. У второй осторожно раскрыл клюв, переставил на сучок одну лапку, намеренно сделав позу до крайности неудобной, – застыла как под гипнозом. И ни единого звука протеста. С ума сходили родители: неистово долбили клювами ветки (это выглядело как стучание кулаком по столу у людей) и так орали, что всполошили всю воронью слободку в Тригорском. А молодые сидели спокойно в забавных неестественных позах. И так продолжалось до той минуты, когда я, пятась, удалился на почтенное расстояние. Сердитые крики старых ворон прекратились, и сразу же два несмышлениша «разморозились»: потянулись, зевнули, разинув клювы, показали родителям, что не прочь закусить. В бинокль было видно: в ход пошли червяки и поделенный между едоками птенчик какой-то маленькой птицы.

После еды молодые вороны чуть задремали. Потом стали ерзать и двигаться по сучку. Но стоило мне подойти, все повторилось: птенцы немедленно затаились, оцепенели. Крик родителей, угрожавших обидчику, для них был сигналом: «Замрите, не шевелитесь!»

Такая картина в июне наблюдается повсеместно. У многих птиц молодежь покинула гнезда. О мире, окружающем слетков, представления еще никакого. И единственное средство себя защитить у всех одинаково: замереть, затаиться, не шевелиться. Пенечком, корявым сучком, подняв клювики кверху, сидят дрозды; неслышно, как неживые, в чаще прячутся сорочата. И все, все, кто покинул гнезда, ведут себя в эти дни тише воды, ниже травы.

Благое дело, увидев слетка, не думать, что он обижен судьбою, одинок и забыт, и не пытаться его спасти. Странная неподвижность – проверенный способ остаться никем не замеченным, кроме родителей. А родители находят его по крику: «Я тут, я голоден!» Непременно находят, кормят и согревают, самоотверженно, притворяясь ранеными, отводят от слетков врагов. А через неделю, глядишь, подросток уже ума-разума накопил, уже понимает, что к чему в этом мире, да и крылья уже готовы – раз и вспорхнул!

Случай особый – это птенец серой цапли. Он не вылетел из гнезда, а упал. Такое бывает. Неосторожность, излишнее любопытство, сильный порывистый ветер – и вот птенец уже не в гнезде высоко в соснах, а на холодной мокрой земле. Голоден, перья только-только начали расти, да к тому же ушибся. Он был обречен. У цапель «что с воза упало, то пропало» – о птенцах, оказавшихся на земле, ни малейшего беспокойства, упавший считается «браком». Обыкновенно это добыча лисицы, ворон, муравьев. Но в этот раз птенца заметил доброй души человек. Обогрел, накормил мороженым хеком. Не очень вкусно, но голод не тетка. И вот оперяется цапля, растет, поставлена на довольствие местными рыбаками. Любит греться на солнце. Знает в лицо свою покровительницу. Для всех остальных наготове длинный, как острога, клюв.

Много хлопот с долговязым и неуклюжим приемышем. Но милосердие вознаграждается. Скоро серая цапля сможет уже и сама рыбачить на мелководьях у речки Сороть.

Фото автора. 13 июня 1982 г.

Псковская белизна Отечество

День был солнечный, но сильно ветренный. Вода в Великой, коричневатая от торфяного настоя питающих ее речек, отражала синеву неба и оттого казалась густо-сиреновой.

Я ждал на мосту «Ракету» из Тарту. Она была мне очень нужна для снимка. Во-первых, желанный для фотографа и естественный тут на реке «передний план», во-вторых – переключка времен (старое – новое) и в-третьих – бегущий современный снаряд белизною сочетался бы с белизной древностей, столь характерной для Пскова. Но «белая современность» на водном пути из Тарту выбилась где-то из расписания.

Было холодно, но не скучно. Забегая вперед, скажу: я и позже подымался на мост – еще и еще раз взглянуть с этой точки на круглые башни, на могучие стены, на величавый белый собор, не покоренный ни временем, ни страстями, ни войнами.

Я видел это впервые. И глаз не насыщался, обследуя светлые тропы возле стены, щербинны и щели бойниц в серой кладке, блики на куполах, прихотливую ковку флагов на башнях. Я даже был благодарен опоздавшей «Ракете». За два часа стояния на мосту можно было не только как следует разглядеть псковскую крепость, но и как-то почувствовать толщину лет, ею преодоленную.

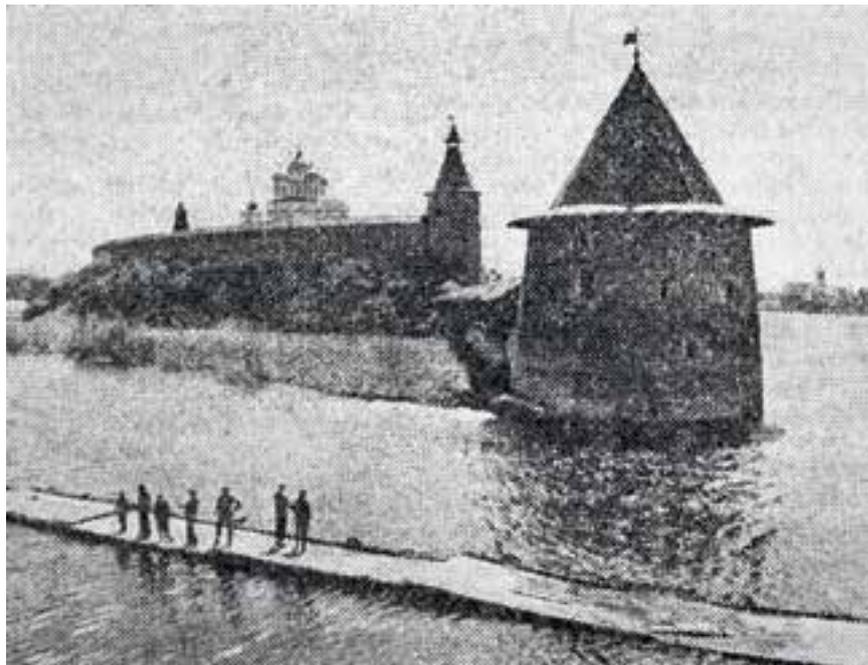
Псков, возможный ровесник Киева, начинался на этом вот месте, на этом мысу, лежащем у слиянья Псковы и Великой. Хорошее место – перекресток водных торговых путей; надежное место – вода и высокие берега служили серьезной преградой для нападавших; величавое место – откуда ни глянь, суровая крепость «веселуется храмами».

Тысячу лет назад крепость была деревянной. Дубовый тын возвышался над берегами. Под его защиту в виду неприятеля псковитяне сбегались, своими руками сжигая дворы «окольного» поселенья.

Крепость свою псковитяне называли Детинцем и Кромом (укромным и безопасным местом, где хранились зерно, боевые припасы и все, что было необходимо для обороны).

Псковитяне оборонялись всю жизнь. При всех нападениях с запада первым встречал неприятеля Псков. «Страж земли русской» – таков давнишний титул города-воина.

Псков торговал, производил для торговли много ценных и славных товаров, но постоянно был начеку, постоянно крепил, совершенствовал Кром.

«Страж земли русской» – таков давний титул города-воина.

Изначальная крепость на полоске земли у слияния рек со временем уже не могла укрывать всех жителей росшего Пскова. Да появились и ценности в «окольном граде», какие в крепость не унесешь. Был один только выход – опоясать город новой стеной. Так поступали на протяжении трех столетий несколько раз. И вырос «пятиградый» каменный Псков. На Руси в XVI веке было две только каменные крепости, стены которых охватывали всю городскую территорию, – Псков и ближе к Москве стоявший «град новый» – Смоленск.

Церкви во Пскове особенные.

Все, что сегодня нас поражает во Пскове, – остатки некогда грандиозных сооружений. «Это лишь «кость», по которой, подобно биологам, мы судим об облике некогда живших строений», – сказал археолог, с которым мы обходили крепость. А вот свидетельство человека, видавшего крепость четыреста лет назад. «Любуемся Псковом. Господи, какой большой город! Точно Париж! Помоги нам, боже, с ним справиться!» Так записал в походный

дневник польский ксендз Пиотровский, участник осады Пскова (1581 год) войсками Стефана Батория.

Для Пскова это был наиболее грозный час в многовековой его истории. Обложило город огромное войско, первоклассно вооруженное, с талантливым полководцем, с решительной целью – испепелить, уничтожить главный форпост Руси у северо-западных рубежей...

Стоя на мосту над Великой, я пытался представить себе этот штурм. Отвесные неприступные стены, и возле них – муравейник людей, пушечный дым, сверкание шлемов и лат, подкопы, лестницы... А сверху – пальба, камни, бревна летят... Нет, с этой наречной, западной стороны крепость неуязвима. Штурмовали ее у южной «напольной» стены. Пятьдесят (!) раз войско Батория шло на приступ. Методичным пушечным боем осаждавшие проломали огромной толщины кладку и устремились в пролом. Но псковитяне у пролома успели построить стену из бревен, и штурм захлебнулся. Крепость, обороняясь, напрягала все силы – «ядра ковались из железной кровли церквей». Но и Баторий, положив у псковской стены пять тысяч войска (большие потери по тем временам!), истощил свои силы и, сняв осаду, «ушедши в пустее» (ни с чем). Псков остался непобежденным.

Славу далеких времен хранят стены и башни городского первоисточка. Но немало древностей сохранилось и в современном, нынешнем Пскове. В первую очередь это церкви. Во Пскове они особенные! Они встречаются там и сям неожиданно – как игрушки, лепятся под боком современных построек, сидят грибами-боровичками в кустах сирени, «перебегают» улицы. Они маленькие, приземистые, с неровными гранями стен, с небольшими оконцами, с единственной луковкой-главкой, со звонницей, совершенно непохожей на высокие колокольни всех церквей мира. И все они – сверкающей белизны. Древнейшие из построек! Глядишь на них и понимаешь, чем вдохновлялся Рерих, проникая в своих полотнах к самым истокам Руси.

– Почему они такие? – повторил мой вопрос археолог. – Ну, во-первых, они «потонули» в земле, в двухметровом «культурном слое». Но главное, эти церквушки строили не из кирпича, а из плиток известняка, недорогого, лежавшего под рукой камня. Камень этот непрочен – высокую колокольню не возведешь. К тому же все в древнем Пскове носило печать крепостной оборонной застройки – отсюда приземистость, толщина стенок, оконца-щели. Кладка камня была неровной. Ее покрывали тщательной, но не гладкой обмазкой, придававшей каждой постройке почти лепную скульптурную выразительность. И обязательно все белилось! Так возникла века пережившая «псковская белизна». Из подручного материала, без лишних затрат, но с величайшим вкусом и тщанием возводились постройки, восхищающие нас сегодня теплотой линий и граней, добротностью, умелым сочетаньем объемов, дерзкой асимметрией, игрою света и тени на белом.

Граненая величавость собора, глядящего здесь через стену, его пятиглавье и высокая колокольня – это уже влияние зодчих Москвы. Принося сюда свое мастерство, они многому научились и у строителей-псковитян.

И надо сказать в заключение – нынешний Псков гордится своей стариной, бережет ее, давая в этом пример многим другим городам.

День, проведенный в городе на Великой, – это день важных для каждого человека открытий, это приобщенье к истории, к делам и подвигам предков, прирастание сердцем к Отечеству.

...«Ракету» я все же дождался. Омытая брызгами рек и озер, она спешила к пристани Пскова. Оставляя пенную белую полосу на воде, этот быстрый летучий снаряд мелькнул, как секундная стрелка на часах Вечности.

Фото автора. 9 июля 1982 г.

Петр в гостях у Карла

Постоянные наши читатели помнят: в 1980 году (4 мая и 18 июня) в «Комсомольской правде» было рассказано о дружбе и о судьбе двух людей – швейцарца Карла Келлера и русского Петра Билана.

Восстановим в памяти эту историю... В Швейцарии, случайно встретив советского журналиста, учитель-пенсионер Карл Келлер рассказал, как в 1942 году из немецкого концлагеря вплавь через Рейн бежал в Швейцарию молодой советский солдат. До последней степени изможденного человека приютили, выходили, спрятали в горной деревне. Тридцатилетний тогда учитель Карл Келлер и солдат – студент Одесской художественной школы – Петр Билан стали друзьями. «Должен признаться, лучшего друга в жизни у меня не было», – закончил рассказ журналисту седой швейцарец. Об этой дружбе в суровое время мы написали с надеждой: а вдруг Билан жив и откликнется?.. Откликнулся! «Жив-здоров. И все помню!»

Судьба Петра Ильича Билана сурова. Раненым оказавшись в плену, солдат испытал ад лагерей смерти, однако не потерял воли к жизни, к сопротивлению. Приговоренный за саботаж к повешению, в ночь перед казнью он решился вплавь пересечь быстро текущий в Альпах, холодный в весеннем разливе Рейн... Благодарная память сохранила всех, кто помог беглецу в нейтральной тогда, но ощущавшей угрозу фашизма Швейцарии. «Дружба с Карлом – это особые дни моей жизни. Все помню и очень хочу увидеть этого человека», – сказал художник, заключая рассказ о прожитом.

Прошлым летом швейцарский учитель Карл Келлер гостил у Петра в Киеве. Вместе друзья побывали в Москве, Ленинграде («Комсомольская правда» от 23 июля 1981 г.). А недавно киевский художник Петр Ильич Билан был гостем Карла в Швейцарии. Здесь вы прочтете рассказ о новой волнующей встрече старых друзей.

* * *

14 мая Петр Ильич помахал провожавшим его друзьям с трапа самолета, улетавшего в Цюрих из Киева. Ровно через неделю я получил открытку. «Чудеса – утром вылетел, утром и прилетел. С вычетом двух часов поясного времени путь занял пятнадцать минут... Нахожусь в объятиях Карла».

И вот уже звонок из Киева: «Я дома. Пока не остыл – приезжайте».

Пять недель был наш художник в гостях. Сидим за столом, заваленным снимками, пленками, картами, – вопросы, расспросы.

– Что было главным в этой необычной поездке?

– Главное? – Петр Ильич задумчиво перебирает снимки. – Вот поглядите на этих людей. Они встречали меня как родного. Я тоже, надеюсь, оставил добрую о себе память. Это и есть главное.

* * *

За пять недель учитель Карл Келлер много сумел показать другу в своей «альпийской державе». Они побывали почти во всех больших городах, у знаменитых озер, на самых живописных точках в горах, посетили многие исторические памятники, в том числе ленинские места, перевал Сен-Готард, развалины римских построек, старинные швейцарские деревеньки, мельницы, сыроварни...

Карл и Петр.

Но это не была одна сплошная дорога. Через два-три дня друзья возвращались в свою «столицу» – деревеньку Мондах, в домик, где живет Карл.

Самое первое, что они сделали, – побывали в местах, памятных для Петра по 42-му году. Они разыскали место, где изможденный, измученный, приговоренный к повешению пленник переплыл ночью бурный весенний Рейн. «Сейчас все было в легкой кудрявой зелени, но вода неслась с бешеной силой, с водоворотами и воронками. Как я смог тогда переплыть?! Раскрыл этюдник, попытался что-нибудь сделать на память. Но рука от волнения не слушалась...»

Разыскали друзья и домик, где беглеца приютили и обогрели. «Я поразился – ничто не переменилось! Вот оконце, в котором светился спасший меня огонек. Вон – видно в окошко – печка с черной чугунной дверцей, на которой хозяин мелом поставил крестик и написал имена, свое и мое».

Хозяйка дома вышла, опираясь на палку, не сразу сообразила, кто перед ней. И только увидев Карла, все поняла. «Петер...» Она говорила, сбиваясь, несложная ее мысль сводилась к тому, что на девятом десятке у человека радостей очень немного, а сегодня у нее радость... Амалия Мерке с мужем приютили во время войны более сорока русских солдат, бежавших из плена. Петр был первым. И она его помнила...

На ферме, где Петр батрачил, люди тоже состарились. Хозяйка, седая, сухощавая, Лидия Цублер смутилась, не зная, как называть гостя – как раньше, «Петер» или «господин Билан»? «Вы, наверное, теперь большой человек, если смогли приехать?..»

Гость попросил глянуть на сеновал, заглянул в каморку, где стояла когда-то кровать батрака. Все было как прежде. Сохранилась даже буква «П», вырезанная ножом на бревне.

Хозяин фермы Макс Цублер лежал в больнице. Визит Петра и Карла очень его растрогал. «Я всегда говорил: «Петр – хороший работник и порядочный человек...» На прощанье он попытался подняться, проводить гостя, но молодая сиделка ласково погрозила старику пальцем...

Сам разыскал Петра Юлиус Урех. Полный седой человек еще издали закричал: «Приехал! Приехал!.. Узнаешь ли, Петр, бывшего парикмахера?!» Сорок лет назад парикмахер Юлиус Урех делал маленький бизнес, покупая русскому краски и сигареты и забирая его этюды. Сейчас шумный и энергичный Урех хотел показать, как преуспел и какого полета он человек. «Петер, если Карл согласится, я оплачу эту твою поездку!» Карл улыбнулся: «Нет, Юлиус, Петер – мой гость». «Ну ладно, ладно, но ужинать будем вместе!..»

Очень теплой, очень сердечной была встреча в доме Агафьи Петровны Бузер. Сорок лет назад эта женщина попросила Петра написать портрет ее дочки. Портрет удался. Особо Агафья Петровна была довольна тем, что это «работа русского живописца». Сама Агафья, как оказалось, до 1910 года жила где-то у Барнаула, фамилия ее была Плотникова. «Вышла замуж за иностранца, носились по свету, осели в Швейцарии. На судьбу обижаться поздно. Но признаюсь: постоянно думаю о местах, где прошло детство. Умирать соберусь, последние мысли будут о Родине».

Сейчас старушке восемьдесят пять. Узнав от Карла, что в доме Биланов в Киеве берегут подаренную ею когда-то на память золотую монету, она растрогалась, разволновалась, попросила Карла непременно доставить гостя к «старой Агафье».

«Когда мы вошли с Карлом, на столе зажгли свечи. Старушка вышла навстречу, трогательно меня обняла. Попросила стоявшую рядом миловидную и смущенную женщину показать давний, писанный мною портрет девчушки. И представила женщину: «Так выглядит сейчас оригинал. Это моя дочь. Зовут Маргарита. А это внучка – зовут Мария».

Дочка и внучка по-русски не знали ни слова. Бабушка тоже язык почти забыла. Но все трое сказали Петру: «Мы русские».

Во время застолья, когда вспоминались подробности 42-го года, Агафья Петровна сделала внучке знак. Та появилась, держа на ладонях заляпанный красками старый этюдник. «Я сразу его узнал. Ящичек, чтобы краски не высыхали, семья хранила в прохладном подполье. Открыл... Помытые тюбики с охрой, берлинской лазурью, краплагом. Знаю: лучше всего сохраняется красный кадмий. Надавил – пахучий живой червячок краски скользнул на салфетку. Понюхал я краску. И неожиданно разволновался...»

Начитанный, много знающий Карл стал рассказывать об удивительном свойстве человеческой памяти – запахи память хранит надежней всего. Внимательно все это слушавшая Агафья Петровна сказала: «Верное наблюдение. Я многое позабыла. Но помню аромат земляники в алтайском лесу. Так помню, как будто это было вчера».

* * *

«Русский Петер» навестил всех, кого помнил, и приобрел множество новых друзей. Почти все они живут в деревушке Мондах. Тут гостя ждали с особенным интересом и любопытством. Дело в том, что Карл, вернувшись в прошлом году из поездки в Советский Союз вопреки опасениям селян вполне живым и здоровым, сразу же стал рассказчиком нарасхват. Домик его осаждало множество разных вопросов. И Карлу пришлось устроить публичный

отчет о своем путешествии. Клуба или иного просторного помещения в Мондахе нет. Посоветались с местным священником. Он не возражал против сугубо мирской беседы во храме.

Людей на беседу собралось столько, что яблоку негде было упасть. Пришедший вместе со всеми послушать Карла и не лишенный юмора патер пошутил: «Ходили бы так на проповеди...»

Двухчасовой рассказ Карла имел такой успех, что продолжение беседы пришли послушать уже не только жители деревеньки, но и целой округи. На этот раз люди стояли даже на паперти и умоляли о тишине, чтобы всем было слышно.

Карл тепло и сердечно поведал своим землякам, что увидел на родине у Петра, о всех местах, где он побывал, о людях. «Поверьте, они такие же, как вы и я. В Киеве и в Москве я чувствовал себя так же, как будто иду по Женеве или Лозанне». Подробно было рассказано о семье Петра Ильича, о его доме, о мастерской, о друзьях художника, с которыми познакомился гость из Швейцарии.

О необычной «церковной встрече» подробно писали газеты. А когда крестьяне увидели своего учителя-пенсионера еще и на телеэкранах, деревенька Мондах им показалась уже значительной точкой на карте.

Деревенька, между прочим, постарше самого Киева. На гербе деревни – осанистый негр с большим кольцом в ухе: по преданию, черный раб древнеримской империи поселился первым в этих местах. Триста жителей деревеньки – все сплошь крестьяне, за исключением учителя и попа. Фамилии в большинстве – Мерке и Келлер. Земли у крестьян – 554 гектара. Скот – коровы и овцы. Кроме жилых домов с дворами, в деревне есть сыроварня, магазин, ресторан, церковь и почта, работающая два часа в день.

Легко представить любопытство и возбуждение в Мондахе, когда стало известно: к Карлу едет друг из России!

«Я еще спал, когда скрипнула дверь и чей-то голос сказал: «Это молоко гостю...» потом стали приносить лук, редиску, свежий печеный хлеб, сливы, клубнику. И все со словами: «Гостю...»

Карл представлял приходящим либо самого гостя, либо, если гость ушел рисовать, портрет Суворова, написанный еще в Киеве для подарка музею у Сен-Готардского перевала.

Молва о портрете Суворова достигла каждого дома в Мондахе, и представители местного «сельсовета» пришли просить о помещении портрета в витрину деревенского магазина. У портрета стояла толпа любопытных, но, конечно, наибольшее любопытство вызывал сам художник. Через неделю он был уже своим человеком в Мондахе. С ним здоровались со дворов, когда он шел по деревне, в разговоре спрашивали о здоровье жены, зятя и дочери. Особое удовольствие селянам доставляло смотреть, как художник работал. «Любопытный, опираясь обычно на вилы, с интересом ребенка наблюдал, как на холст переключивалась знакомая ему с детства горюшка. Одобренье работы почти всегда выражалось словами: «О, я бы так не сумел!» И вслед за этим я получал приглашение: «Пойдем, посмотришь моих коров...»

Петр побывал во многих домах, и везде в ритуале гостеприимства были смотрины коров. «В каждом дворе коровы содержались, как королевы. Кое-где чистоты ради даже хвосты у коров были подняты на упругих тесемках к шесту. Хозяин называл имена десяти – пятнадцати пестрых своих любимиц. Говорил, сколько каждая дает молока, какой жирности молоко, как ведется в целом хозяйство. Теперь уже наступала моя очередь восклицать: «О, я бы так не сумел!» Счастливый владелец коров хлопал меня по спине, и в этом дружеском жесте я чувствовал много всего хорошего».

Домик Карла в Мондахе – один из самых маленьких и едва ли не самый старый – ему без малого триста лет. Под этой крышей Петр ощутил полную меру гостеприимства и искреннее дружеское тепло. Карл живет с двумя старушками-сестрами, обожающими младшего брата. После каждой поездки за пределы деревни Мария, старшая из сестер, манила

гостя присесть: «Ну, Петер, рассказывай...» Петр Ильич, вполне воскресивший в гостях свой немецкий язык, умел на нем еще и очень занятно представить их с Карлом странствия по Швейцарии. Старушка во всех интересных местах прерывала рассказ одним и тем же вопросом: «А Карл? Что сказал Карл?..» Петр в лицах изображал поведение свое и Карла. Старушка, довольная, улыбалась: «Да, Карл у нас замечательный человек. И тебя, Петер, мы тоже считаем братом. Ваши истории с Карлом – удивительная человеческая история!»

Гостеприимство в Мондахе венчал торжественный ужин, устроенный «сельсоветом». В этот вечер в местном маленьком ресторане столы были сдвинуты вместе. Председатель совета, выполняющий эту должность без отрыва от крестьянского производства, открыл застолье прочувствованным словом о человеческой дружбе, о радости встреч, об узнавании людьми друг друга. В заключение гостю вручили книгу об истории и хозяйстве села. Все сидящие за столом расписались в книге, а председатель подышал на печать и оставил памятный оттиск: осанистый негр с серьгой в левом ухе и под ним – название деревни, которую будто бы он основал.

* * *

«У путешественника нет памяти – записывай!» – с такой пометкой я подарил Петру Ильичу карманную книжечку. Поездка его была праздничной. В такой поездке человек неизбежно видит лишь внешние стороны жизни. Но и эти мимолетные наблюдения, занесенные в книжечку, любопытны.

«Мондах – село. Но от города отличается лишь тем, что пахнет коровами, сеном, цветами. Необычайная чистота! В первый день я машинально бросил спичку и почувствовал, как она «лезет в глаза», заметна на безукоризненно чистой асфальтированной улице. Почему-то я сразу вспомнил наше метро – тоже ведь спичку не бросишь! Одни и те же причины заставляют человека быть аккуратным там, где об аккуратности и чистоте постоянно заботятся».

«Все, с кем встречаюсь, считают долгом сказать мне все, что они когда-нибудь слышали о Советском Союзе. Все удивляются размерам нашей страны. Один крестьянин, уловив подходящий момент, спросил тоном, требовавшим предельной искренности: «Петер, неужели у вас в самом деле нет гор?»

«На всех званных обедах и ужинах центральное блюдо – рыба. Карл сказал: «Этим хотят подчеркнуть уважение к тебе, рыба – блюдо у нас почетное». Сам же он удивился, когда во время визита с ним в магазин в металлическую корзину я положил аккуратный брусочек сала. А это, говорю, то, без чего украинец жить не может».

«Ели дыню. Я приготовился выбросить в мусор корки, но Карл остановил: «Отнесу соседскому поросенку...» В другом доме хозяйка после обеда порезала на мелкие кубики остатки хлеба и вынесла на дощечке на солнце – «превосходная вещь для супа!» И так, я заметил, везде – даже крошка хлеба не пропадает. Это ни в коем случае не скардность, это разумная бережливость, без которой зажиточность невозможна».

«Высшая тут похвала человеку – сказать, что он хороший работник. Работают в Мондахе с восхода солнца до темноты. Все без исключения! Желая показать особый пример трудолюбия, Карл повел меня в дом бывшего своего ученика Ганса Фогта. У него 35 гектаров земли, 30 дойных коров, 15 телят, 1000 фруктовых деревьев, дом, постройки. Все хозяйство в идеальном порядке. Работников двое: Ганс и его жена. Я покачал головой: как же вы управляетесь? Ганс показал мне свои ладони. Они были как рашпиль – в мозолях и трещинах... Никакое благополучие с неба не падает – надо работать!»

«Учитель, давний друг Карла, с которым мы вспомнили 42-й год, сказал: «У нас, возможно, это не все понимают, но то, что вы сломали Гитлеру шею, имеет громадное значение

и для нашей судьбы. Если бы победили фашисты, они бы проглотили и маленькую Швейцарию».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.